

РУССКАЯ ГЕЙША:

СЕКРЕТЫ ОБОЛЬЩЕНИЯ

Искусство танца,
техника эротического
связывания –
всё ради
его верной
любви...

18+

Таня
Кадзи

Таня Кадзи
Русская гейша. Секреты обольщения
Серия «Русская гейша»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11061301
Русская гейша. Секреты обольщения: [роман] / Таня Кадзи: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-81338-4

Аннотация

Пройдя обучение в элитной школе японских жриц любви, Таня Кадзи становится первой русской гейшей. Стать ее клиентом – мечта каждого мужчины. Таня делится секретами обольщения с девушками, которых берет к себе на курсы. Искусство танца и массажа, высочайшая эрудиция, изящные манеры – все это русская гейша продолжает доводить до совершенства. А еще овладевает старинной техникой эротического связывания шибари...

Содержание

Предисловие	5
Свиток первый	7
Свиток второй	26
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Таня Кадзи

Русская гейша. Секреты обольщения

© Лазорева О., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Предисловие

«Моя любимая принцесса, простишь ли ты когда-нибудь меня? Но другого выхода я не вижу. Небо зовет меня. Сегодня страшное подозрение о правильности содеянного и вообще о выбранном пути убивает меня. Я словно прозрел. И все, что говорил Учитель, увиделось мне в другом, истинном свете. Не хочу больше! В этой сумке деньги для тебя. Не трогай мое тело и немедленно улетай обратно. Власти все сделают сами. Билет на самолет до Токио в кармашке сумки. А оттуда – домой, моя принцесса. Ты сильная и помни, что любовь есть и на небе. Живи и прощай!»

Едва сдерживая слезы, я долго смотрела на эти строчки. Потом прижала измятый пожелтевший листок к груди и все-таки расплакалась. После смерти моего любимого прошло уже так много времени, но я все еще не могла забыть его. Наверное, поэтому я вновь возвращаюсь к своим записям. Хочется вспомнить последние события моей жизни и изложить их на бумаге.

Петр покончил с собой 21 марта 1995 года сразу же после газовой атаки в токийском метро, к которой, я почти уверена, он был причастен. Он сделал себе харакири практически на моих глазах. Мой несчастный возлюбленный являлся монахом скандально известной секты «Аум Синрикё». Я, восемнадцатилетняя и плохо разбирающаяся в жизни девчонка, находилась в тот момент рядом с ним. Мы тогда жили в Нахе, столице Окинавы. Приехали туда из Москвы за месяц до этих терактов. Как объяснил мне Петр, в Японию его вызвали по работе. Он был химиком, но в подробности его профессиональной деятельности я никогда не вдавалась. Мы всего несколько месяцев жили вместе. И я постоянно находилась в состоянии эйфории, так как была абсолютно и безусловно счастлива с ним. И никого и ничего не видела вокруг, кроме моего любимого. Тяжело вспоминать все это. Спустя годы мне кажется невероятным, что я смогла перенести его смерть.

Кроме этой записки, от Петра у меня остался сборник стихов японских поэтов и три записные книжки. Две были заполнены до конца. А третья – с изображением красного дракона на черной обложке – была пуста. И я стала записывать в нее, по примеру Петра, цитаты, афоризмы, какие-то высказывания, казавшиеся мне интересными. Позже я купила общую тетрадь голубого цвета с цветами сакуры на обложке. И в нее также стала вносить записи. И неудивительно, что все они, за небольшим исключением, были так или иначе связаны с Японией. Ведь я, по прихоти своей странной судьбы, стала гейшей.

Когда Петр умер, я осталась совершенно одна в чужой стране и в почти невменяемом состоянии от невыносимого горя. Из Наха я улетела в Токио и задержалась там на какое-то время. Поселившись в гостинице, я впала в заторможенное состояние и жила, словно растение, попавшее в неблагоприятные условия. Но мне было всего восемнадцать! И возраст взял свое. В один прекрасный момент я вышла из оцепенения, перестала призывать смерть и начала жить ради мести. Как это сейчас ни покажется странным, но именно ненависть воскресила меня. Я решила, что смогу добраться до верхушки секты и отомстить им, если превращусь в настоящую гейшу.

Я прошла обучение у госпожи Цутиды, владелицы чайного дома в Асакусе, одном из районов Токио. И даже несколько раз выступала перед ее гостями в качестве необычной «рашн» гейши Татианы. А потом я неудержимо захотела вернуться на родину. И в августе 1995 года оказалась в Москве. И уже через два года после этих трагических событий я была весьма успешной бизнес-леди. Мое небольшое тогда агентство под названием «Аямэ» предоставляло желающим услуги гейш и пользовалось огромной популярностью. Но все это

не могло избавить от приступов невыносимой тоски, иногда захлестывающей меня. Я доставала листочек с предсмертной запиской моего любимого и вновь читала и перечитывала ее. И последние слова «прощай и живи» каким-то странным образом заставляли меня жить дальше, несмотря ни на что.

Много событий произошло за два года. У меня появились друзья, но также я приобрела и смертельного врага. Степан, так его звали, знал моего любимого и занимал высокий пост в секте. Но я об этом понятия не имела. Он втерся ко мне в доверие, убедил в своей искренней и бескорыстной любви. Случай помог мне раскрыть его двойную игру. После взрыва в московском метро в июне 1996 года я оказалась в больнице. Степан воспользовался моим беспомощным состоянием и после выписки отдал меня в настоящее сексуальное рабство. И снова случай помог мне выбраться из этой смертельной ловушки. Степан, видимо, испугавшись разоблачения, спешно покинул страну. По полученным мною сведениям, он улетел в Токио на работу по контракту.

А моя жизнь после освобождения вроде бы вошла в более спокойное русло. Я продолжала руководить танцевальной студией «Нодзоми», которую организовала в русско-японской школе, агентством «Аямэ», поменяла квартиру.

Свиток первый Поникшая плетъ плюща

*Замкнутый между скал,
Начал подтаивать лед
В это весеннее утро.
Вода, пробиваясь сквозь мох,
Ощупью ищет дорогу.*

Сайгё

В конце мая я взяла в школе месяц за свой счет и ушла в отпуск до конца лета. И все время решила посвятить работе в агентстве «Аямэ».

1 июня у нас было последнее выступление перед каникулами в актовом зале школы. Я немного волновалась, глядя на своих оживленных, веселых и проказливо настроенных учеников, радующихся окончанию учебного года. Мы подготовили четыре танца специально для этого вечера, но моих сольных номеров в программе не было. Когда за полчаса до начала концерта я еще раз проверяла наличие костюмов для каждого танца, в гримерную заглянул господин Ито. Он был другом директора нашей школы, в Москве находился почти постоянно по делам бизнеса. Он также являлся и моим другом. Господин Ито очень помог мне с агентством гейш. И даже привез из Японии для моих девушек дорогие кимоно. Для японца он прекрасно говорил на русском, так как работал в России довольно давно.

– Вот ты где, Таня! – воскликнул он, входя в гримерную и улыбаясь.

– Здравствуйте, Ито-сан, – обрадованно произнесла я, с удовольствием оглядывая его кругленькую невысокую фигуру, пухлые блестящие щеки и узкие щелочки черных глаз.

Господин Ито всегда разительно напоминал мне колобка пятидесятилетней давности выпечки. Я встряхнула яркое платье, сшитое в виде цветка сливы, и аккуратно повесила его на плечики. Потом повернулась к господину Ито и извинилась.

– Ничего, Таня, – еще шире заулыбался он. – Это я не вовремя. У тебя скоро выступление. Будут только твои воспитанники или ты порадуешь нас и своими собственными, всегда такими восхитительными номерами? – спросил он.

– Я решила больше не танцевать в одной программе с детьми, – ответила я.

– Вот как, – тихо проговорил господин Ито. – Хотя я тебя понимаю. Ты же настоящий профессионал, а дети только ученики.

– Вот именно, Ито-сан! Хорошо, что вы это понимаете! А то меня все просят. Даже Михаил Феликсович!

Так звали директора нашей школы и друга господина Ито.

– Ах он старый грешководник! – захихикал господин Ито.

– Кто?! – рассмеялась я. – Вы, наверное, хотели сказать «греховодник»?

– Наверное, – подтвердил он. – Русский язык по-прежнему для меня очень сложный.

– Ну что вы! – улыбнулась я. – Вы прекрасно говорите. Если бы я могла так на японском!

– Зато ты отлично владеешь английским, – став серьезным, заметил господин Ито. – И вот что, Таня, я заглянул сюда, чтобы пригласить тебя на одну вечеринку. Вчера прилетел из Токио один очень важный для меня деловой партнер...

Господин Ито замолчал, не договорив, и о чем-то задумался. Я ждала, не нарушая его размышлений.

– Понимаешь ли, – все-таки заговорил он, – мы, японцы, в отличие от вас, русских, очень осторожные люди. Не в обиду! – добавил он и погладил мое плечо. – И очень консер-

вативные. Фирма для нас – вторая семья. Молодой человек, окончив институт, поступает на работу в какую-нибудь фирму, и до конца дней он – член этого коллектива. И бывает так, что, начиная работать в качестве хирасяин, то есть рядового сотрудника, он доходит по служебной лестнице до сятё, президента фирмы. Большое это предприятие или маленькое – значения не имеет. Это все равно одна семья, в которой очень сильно развито «сю: дан исики». Как бы точнее перевести? Ближе по смыслу – групповое сознание. Сотрудники знают не только друг друга, но и родных своих коллег, их дни рождения, события их жизни. Они – малая, но неотъемлемая часть одного огромного организма. Понимаешь, так выгодней для бизнеса. Кто захочет навредить своей семье или уйти из нее? У нас такие традиции. И от этого такой технический прогресс. Крупные японские концерны не пострадали даже во время Второй мировой войны. Американцы пытались их расчлениить, но у них ничего не вышло. Существуют старейшие торговые дома еще со времен Токугавы¹, и им верны целые трудовые династии.

– Да, это прекрасно, – сказала я, видя, что господин Ито вновь замолчал, и удивляясь его длинной речи.

Обычно он был менее многословен.

– Но это имеет и обратную сторону, – продолжил он. – При заключении контрактов с другими фирмами возникают определенные сложности чисто психологического характера. Как бы тебе проще объяснить? Это все равно как смотрины жениха и невесты. Две семьи приглядываются друг к другу и пытаются понять, чего ждать от противоположной стороны хорошего, а чего плохого. Поэтому наши переговоры всегда затягиваются. Представители долго и обстоятельно общаются, а потом делают выводы.

– Это закономерно, – сказала я.

– Я тебя утомил? – вдруг спохватился господин Ито и встревоженно заглянул мне в глаза.

– Нет, конечно, – улыбнулась я. – Вам нужна моя помощь?

– На этой вечеринке, на которую я тебя приглашаю, будет господин Миура. И мне очень нужно произвести на него благоприятное впечатление. Ты же знаешь, как у нас высоко ценят общество гейш. И мне хотелось бы, чтобы ты выступила именно в этом качестве.

– Я с радостью, – ответила я, не понимая этого длинного предисловия.

Я и до этого с удовольствием выступала на приемах господина Ито, соответственно одетая и загримированная.

– Если хотите, то можно взять моих девушек Сакуру и Идзуми, – предложила я.

– О! Вот это как раз абсолютно исключено, – быстро ответил господин Ито.

И меня такой ответ изрядно удивил. Я, чтобы скрыть замешательство, отвернулась и сделала вид, что очень занята одним из костюмов бабочки. Расправляя цветные шелковые крылья, я ждала продолжения, но господин Ито молчал.

Сакура и Идзуми, настоящие имена их были Нари и Майя, работали у меня в качестве гейш. Мы, правда, начали нашу деятельность недавно, чуть больше полугода назад, но девушки уже активно выступали, попутно проходя обучение. Основы искусства гейши давала им только я. И мне казалось, что все у нас замечательно получается. Тем более отбоя от клиентов не было. В основном нас приглашали на корпоративные вечеринки, частные семейные праздники, бывало, что и на фуршеты после деловых приемов. Я сама постоянно выступала вместе с девушками в качестве гейши Аямэ. Но нас просто не хватало на огромную столицу. И часто приходилось отказываться от очень выгодных предложений. Я искала новые кадры, но это было не так-то просто. Девочки приходили одна за другой, но почти все

¹ Токугава – правящая династия Японии в период с 1600 по 1868 год.

отсеивались уже в процессе собеседования. А с несколькими, показавшимися мне на первый взгляд вполне перспективными, я рассталась после первых же уроков.

– Понимаешь ли, Таня... – начал после паузы господин Ито.

И я тут же повернулась к нему, отложив в сторону шелковые крылья.

– Ты остановилась в своем развитии, – немного волнуясь, продолжил он. – Настоящая гейша учится ежедневно во время всей своей карьеры, это ты должна понимать. Я не знаю, кто тебя обучал в Токио, но это главное правило тебе должны были внушить первым делом.

– Я просто брала уроки основных дисциплин у владелицы чайного дома и участвовала в вечеринках с гейшами, – тихо проговорила я.

– Пойми, Таня, ты основала свое дело, и я хочу тебе помочь советом. В любом случае профессионализм необходим, работаешь ты уборщицей женского туалета, президентом гигантской компании или гейшей в чайном доме. А профессионализм достигается только упорной непрерывной учебой и постоянной работой над своим мастерством. Согласна?

Я молча кивнула, но на душе стало неприятно. Никак не ожидала, что господин Ито будет критиковать меня. Я-то была уверена, что достигла каких-то вершин и мое дело будет идти только в гору.

Господин Ито, будто прочитав мои мысли, сказал:

– Если ты сейчас остановишься в развитии, то и твое дело встанет, а потом пойдет на спад. Это всем известный закон. Если нет движения – начинается застой. А твои девушки, только без обид, – это просто красивая стилизованная картинка, далекая от сути настоящих гейш.

– Но все в восторге, – попробовала я защититься.

– Допускаю, что для Москвы вы пока в диковинку, этаким лакомый кусочек экзотического блюда, – сказал с улыбкой господин Ито. – Но что будет дальше, когда вами пресытятся? Подумай об этом. И начинай работать. И потом, Таня, – задумчиво добавил он, – что-то погасло внутри тебя. Уж не знаю, что произошло, но ты изменилась и не в лучшую сторону.

Я вздохнула. Никто не знал, что год назад я оказалась в сексуальном рабстве, и воспоминания об этих кошмарных днях, несмотря на все усилия забыть, стереть из памяти этот эпизод моей жизни, периодически мучили меня. И я все еще так и не могла заниматься сексом.

– Так что же с приглашением на вашу вечеринку, Ито-сан? Я вам больше не подхожу в качестве гейши? – спросила я и не смогла скрыть легкую обиду.

– Подходишь, Таня! На данный момент ты – единственная гейша в этом городе. Но тебе нужно начинать работу над собой, если ты хочешь стать настоящим профессионалом, – серьезно ответил он. Но тут же улыбнулся и добавил более мягким тоном: – Я был резок и прям с тобой, будто ты мужчина. Позволь загладить свою вину и пригласить тебя сегодня после концерта в ресторан.

– Татьяна Андреевна, мы уже пришли переодеваться, – раздался тонкий голосок.

И в примерной появилась одна из учениц «Нодзومي». Она немного смутилась, увидев господина Ито. Но тут же вежливо поздоровалась и сделала реверанс.

– Все, ухожу, – улыбнулся он. – Не буду вам мешать.

Концерт прошел замечательно. Из-за кулис я наблюдала за выступлением ребят и не переставая думала о словах господина Ито. Действительно, я совсем забросила собственную учебу и успокоилась, решив, что все знаю и все могу. А ведь госпожа Цутида говорила мне, и не один раз, что обучение не прекращается, и гейша должна постоянно быть на пике вдохновения, таланта и мастерства, постоянно учиться, не пренебрегая ничем и не упуская ни одной мелочи. Как внешний, так и внутренний облик должен быть всегда на высоте. И состояние души тогда будет соответствующее.

Из тетради лекций госпожи Цутиды:

«Каждая гейша сама наносит макияж. Ее «старшая сестра» первый раз помогает ей в этом. Впоследствии ученица уже сама решает, какое количество розового надо добавить, чтобы оживить белоснежное лицо, и насколько большую площадь губ покрыть «бени» – ярко-красной краской для губ, которую делают из сафлора. Все эти детали отражают ее индивидуальный стиль.

*Первый шаг – взять немного похожей на воск субстанции, называющейся «бинтицукэ абура», и разогреть между ладонями. Основная составляющая – ягоды *Toxicodendron succedaneum*. Древесный воск использовался в косметике Японии тысячелетиями. Чтобы сделать его мягче, его смешивают с небольшим количеством кунжутного или арахисового масла и добавляют отдушку (традиционно – алоэ или гвоздика).*

Руками гейша втирает «бинтицукэ абура» в лицо, шею и верхнюю часть спины. Это липкая основа, на которой лучше держится белая краска. Потом она разводит белую основу, называющуюся «нери-осирои», водой до требуемой консистенции (более плотной – для традиционного макияжа, более тонкой – для менее формального и более «натурального» вида). Используя плоскую широкую кисть, быстрыми мазками наносит белила на кожу. Сейчас белила больше похожи на актерский грим, но раньше в их ингредиенты входили свинец, ртуть и цинк, что очень портило кожу и придавало ей впоследствии желто-серый цвет. Затем наносится рисовая пудра.

Ученицы оставляют две полосы чистой кожи на задней стороне шеи, повторяющие линии роста волос (три для официальных случаев). Они пользуются шаблоном, когда наносят «осирои», чтобы полосы получились ровными.

Уголки глаз подводят линией красного «бени». Изначально такая линия была призвана отвести неудачу от ее обладателя. Брови красят слоем красной краски, затем вычерчивают угольно-черным карандашом. Современные гейши используют жидкую подводку, щипцы для ресниц и тушь.

При подкрашивании губ ученица красит только нижнюю губу, оставляя верхнюю под слоем белил. Через год она красит уже обе губы. Традиционный вид предполагает маленькие красные губы, которые рисуются меньшего размера, чем настоящие.

Волосы ученицы в соответствии с одним из шести стилей все еще покрывают воском, гладят и пропитывают маслом, из-за этого они вынуждены спать на маленькой деревянной «подушке», поддерживающей только шею. Старшие гейши могут позволить себе разные прически, но с 50-х годов для полного облачения гейши всегда надевают парик.

Сейчас большую часть рабочего времени гейша не носит белого макияжа и длинного кимоно, которые стали их символом на Западе. Этот костюм используется только для официальных случаев. Обыкновенно они укладывают волосы в несложную прическу, используя шиньон».

Когда я вышла из школы, было уже довольно поздно. Но машина господина Ито стояла в переулке. Я, отчего-то немного волнуясь, быстро направилась к ней. Водитель тут же вышел и распахнул передо мной заднюю дверь.

– Спасибо, – тихо произнесла я, забираясь на сиденье.

– Куда поедем? – непринужденно поинтересовался господин Ито и посмотрел на меня с явным вождением.

Год назад наши отношения были не только дружескими, но и интимными. Но потом, после моего освобождения из рабства, я мягко несколько раз отказала ему. И он больше не настаивал и даже, следуя своей японской сдержанности, не стал выяснять причину моего поведения.

– Мне все равно, – тихо ответила я, опуская ресницы.

– Может, ты устала и лучше отвезти тебя домой? – спохватился господин Ито и шумно вздохнул.

«Ну просто пышущий колобок», – пришло на ум забавное сравнение, и я не смогла сдержать улыбки.

– Так что? – тут же оживился он и развернулся ко мне всем своим кругленьким телом.

– Я бы выпила чашку чая, – тихо ответила я, продолжая улыбаться кончиками губ.

– Да, сейчас было бы идеально оказаться на тяною², – подхватил господин Ито.

Но по его блестящим глазам я видела, что он мечтает о другом.

– Ты бы все-таки подумала о том, чтобы использовать твою репетиционную для церемонии. А то такое прекрасное помещение зря пропадает, – неожиданно сказал он и вновь шумно вздохнул.

В моем офисе была большая комната, где я занималась с девушками. И господин Ито не раз предлагал мне оборудовать ее для проведения чайной церемонии.

– Возможно, вы правы, – согласилась я. – Но пока...

– Вот что, Таня, ты сама не знаешь, чего хочешь, – решительно произнес он. – Поэтому поедем ко мне.

Водитель тут же тронулся с места. Я усмехнулась, так как господин Ито жил в двух шагах от школы в огромной съемной квартире на Малой Ордынке. Туда мы вполне могли отправиться пешком.

Когда мы вошли в темный коридор, я первым делом сняла туфли на высоких каблуках и босиком прошла в ванную. Буквально через минуту заглянул господин Ито и молча протянул мне шелковый, стального цвета халат. Я не смогла сдержать улыбку, увидев на нем узор из листьев конопли.

– Извини, Танюша, верхнего женского кимоно в доме нет. У меня есть только дзюбан. Если хочешь, то надень.

Хочу пояснить, что одежда у японцев традиционно многослойная. Дзюбан – это нижнее женское кимоно, обычно в виде прямого узкого халата и соответствует нижней рубашке.

Господин Ито ушел, а я призадумалась. Переодеваться не входило в мои планы. Было уже очень поздно, я устала от волнения на концерте моих учеников и мечтала уехать домой и лечь спать. Но в то же время очень не хотелось обижать господина Ито. Я была многим ему обязана.

Вздохнув, я сняла платье и белье. И тут только заметила, что в углу довольно большой ванной комнаты господин Ито пристроил фуру.

Фуру – это традиционная японская ванна, но она кажется нам непривычной, так как сделана в виде высокого чана. Внутри он обычно выложен керамической плиткой. В нем есть маленькая приступочка, на которой можно сидеть. Японцы любят находиться

² Тяною – чайная церемония.

в таком чане в нестерпимо горячей воде. Когда в Токио я первый раз попробовала принять традиционную ванну, то не смогла вытерпеть и минуты: такой горячей была вода. Но потом я попробовала еще раз и, посидев какое-то время, даже начала получать удовольствие, так как горячая вода странно расслабляла не только тело, но и психику. И после фуро я чувствовала необычную и приятную легкость, как будто освободилась от какой-то тяжести.

В квартире господина Ито были смешаны разные стили. Его семья постоянно жила в Иокогаме, а он большую часть времени проводил в Москве. Сняв эту квартиру, господин Ито переделал только свою спальню, обставив ее в чисто японском стиле. Но другие комнаты оставались европейскими по виду, в частности огромная гостиная, где он проводил свои приемы. Ванная также была европейской. В одном углу находилось джакузи, рядом располагалась душевая кабина. Мне очень нравился розовый в белых прожилках мрамор, которым была отделана ванная. Также мне нравилось любоваться своим отражением в огромном зеркале напротив душа. И вот господин Ито решил установить фуро. Видимо, без этой процедуры он обходиться уже не мог. Я глянула на высокий округлый чан, подумала с минуту, но все-таки забралась под душ. Косметику смывать не стала, только чуть подправила. Накивнув дзюбан, остановилась в раздумье. Из ванной было два выхода, один – в спальню, другой в коридор. Я вышла в коридор и увидела, что господин Ито включил небольшие розовые бра, развешанные вдоль стен.

«Значит, он ждет меня в гостиной», – поняла я и улыбнулась с облегчением.

И действительно, господин Ито сидел на диване возле уже накрытого маленького овального столика. Возле него я с изумлением заметила футляр сямисэна.

– Проходи, Таня, – чуть охрипшим голосом произнес господин Ито, окидывая меня жадным взглядом. – Ты прекрасна даже в дзюбан, – добавил он с улыбкой.

И его глаза блеснули. Я приблизилась и села рядом, машинально поправляя расплывшиеся шелковые края.

– Я бы сказал... – господин Ито замолк и призадумался. Потом тихо добавил: – ...сибуй.

– А что это? – довольно равнодушно поинтересовалась я, услышав незнакомое слово. Брови господина Ито слегка приподнялись.

– У тебя явные пробелы в образовании, – недовольно заметил он. – Это одно из понятий японской эстетики, – добавил он.

– Да? – заинтересовалась я. – Но я слышала только про ваби и саби. Ну и, конечно, – ики. Госпожа Цутида давала мне эти понятия в своих лекциях.

– Так, так! – живо откликнулся господин Ито. – Если быть кратким, ваби – безыскусная простота, саби – изящество, лаконичная утонченность. А сибуй – это безупречный вкус, строгая простота. Но мне хотелось бы поговорить отдельно об ики, – добавил он и посмотрел на меня с ожиданием.

– Ики – это чувственность, тонкое эротическое обаяние, шик, элегантность. Правильно? – уточнила я.

– Да, это суть понятия «ики». И как раз эту суть ты каким-то непостижимым образом утратила. Ты сейчас именно воплощение сибуй. Как, скажем, вот эта, прекрасной простоты, но очень большой цены пиала «киёмидзу», – добавил он и взял со столика изящную пиалу из тонкой керамики шоколадно-коричневого цвета. – Я могу лишь отстраненно любоваться этой вечной красотой, – сказал господин Ито и аккуратно поставил пиалу на столик. – Но ведь ты прекрасная, совсем еще юная девушка и должна буквально излучать ики.

Господин Ито придвинулся ко мне и положил мягкую ладонь на мое колено. Я откинулась на спинку дивана и закрыла глаза.

«Может, я уже выздоровела? – мелькнула мысль. – И могу заниматься сексом?»

Я невольно вспомнила, как выглядит «нефритовый стебель» господина Ито, представила ласки умелым быстрым языком и почувствовала легкое возбуждение. Его рука медленно двигалась вверх, и вот пальцы коснулись низа моего живота. Он нежно начал гладить, и я немного развела колени, чуть сдвинувшись бедрами вниз. И услышала, как господин Ито глубоко вздохнул и тихо застонал, запуская пальцы в мои «яшмовые ворота». Но мои мышцы мгновенно отреагировали и непроизвольно сжались в сильном и болезненном спазме, как это было постоянно в последнее время. Его пальцы тут же остановились. Я замерла, скрывая захлестнувшее меня отчаяние и стараясь не расплакаться. Господин Ито осторожно убрал руку. Я сидела тихо и не открывала глаз. Рядом послышался какой-то шорох. Я не шевелилась, ожидая продолжения. Судя по всему, господин Ито опустился на пол. Я почувствовала, как он раздвигает мои колени, и не сопротивлялась. И вот его влажный язык коснулся моих «яшмовых ворот»... Я почувствовала новый прилив возбуждения и максимально отдалась ощущениям. Его язык попытался проникнуть внутрь. Мгновенно перед внутренним взором появилось незнакомое мне, но очень мерзкое лицо мужчины с пьяными глазами и мокрым ртом, которое нависало надо мной. Я тут же конвульсивно сжалась от невыносимой боли, пронзившей мои внутренности. Я невольно закричала, и господин Ито с испугом отпрянул.

– Что с тобой, девочка моя? – быстро спросил он. – Я сделал тебе больно?

– Извините, Ито-сан, – пробормотала я, пытаясь изо всех сил взять себя в руки и не расплакаться. – Это нервное.

– Это ты извини меня, – тихо сказал он и встал.

Он быстро вышел из гостиной, а я налила себе чай из маленького керамического чайничка и судорожно глотнула, даже не почувствовав его вкус.

«Надо что-то с этим делать, – твердила я про себя, – надо что-то делать. Так больше продолжаться не может. Зря я тогда не обратилась к врачу».

Со времени моего освобождения из сексуального рабства прошел почти год, но мое состояние оставалось без изменений.

«Нужно поговорить с Лизой», – почему-то подумала я.

Лиза, моя ближайшая подруга и правая рука в агентстве «Аямэ», прошла через то же, что и я, если не хуже. Она попала в рабство случайно по собственной глупости и наивности. Приехав в Москву из провинции поступать в институт, она стала легкой добычей преступников. Ее среди белого дня остановили на улице двое парней, выразили восхищение внешностью и предложили сниматься в кино. И Лиза села к ним в машину. Когда меня привезли в тот ужасный дом, она находилась там уже какое-то время и была в жутком состоянии. После освобождения Лиза намного больше, чем я, провела времени в реабилитационном отделении клиники. И у нее, как и у меня, появилась проблема с сексом. Мы почти не говорили с ней на эти темы, подсознательно стараясь как можно меньше ворошить прошлое.

«Завтра же поговорю с ней», – решила я.

В этот момент вернулся господин Ито. Он, как я видела, полностью успокоился и ласково мне улыбался. Сев рядом, внимательно посмотрел мне в глаза. Я видела, что его просто распирает от желания задать волнующий его вопрос. Но пресловутая японская сдержанность взяла свое.

– Мне доставили новый инструмент для тебя, Таня, – после паузы сказал он. – Попробуешь?

Я облегченно улыбнулась и взяла футляр. Открыв его, достала части сямисэна и ловко соединила их. Этот инструмент, что-то типа японской национальной лютни, был непременным атрибутом выступления гейши вот уже на протяжении многих веков. Обучение игре на нем входило в обязательную программу образования.

«А ведь я давно не разучивала новых мелодий, – подумала я, старательно настраивая сямисэн. – Господин Ито абсолютно прав. Я стою на месте. Но у меня совсем нет времени», – попробовала я себя оправдать.

Заиграв нежную переливчатую мелодию «Сливы в весеннем цвету», я медленно повернулась лицом к сидящему на диване господину Ито и постаралась максимально отдаться музыке. Новый сямисэн оказался отличным инструментом, и я все больше поддавалась очарованию его журчащего, словно быстрый ручеек, звучания. Завершив исполнение, я привычно поклонилась и аккуратно убрала его в футляр.

– Спасибо, дорогая, – тихо произнес господин Ито после паузы. – Я получил истинное наслаждение. Ты, несомненно, очень талантлива. Я заказал этот инструмент лично для тебя, и вот его вчера доставили из Токио.

– Вы необычайно добры ко мне, Ито-сан, – тихо сказала я. – Понимаете, хочу объяснить... – после паузы начала я и замолчала.

Рассказывать ему о рабстве оказалось выше моих сил.

– Ты можешь ничего не говорить, – подождав, сказал он. – Я понимаю, что у тебя возникли какие-то чисто психологические проблемы в отношениях со мной. Но, по-моему, я ничем и никогда не обижал тебя, – добавил он немного грустно.

– Так не только с вами, но и со всеми без исключения, – тихо призналась я. – И уже почти год. Кое-какие ужасные события произошли прошлым летом. Я не могу об этом рассказывать. Я... я подверглась жутчайшему насилию. И только поэтому я сейчас в таком состоянии, поэтому я... совсем не могу заниматься сексом! Мне не хотелось бы, чтобы кто-нибудь знал об этом, – добавила я и всхлипнула.

– Конечно, конечно, дорогая. Вот, значит, в чем дело! А я-то никак не мог понять, – быстро сказал господин Ито и вскочил.

Он стремительно засеменил по огромной гостиной, разительно напоминая катящегося коlobberа. И я невольно улыбнулась сквозь слезы.

– А может, Татьяна, тебе стоит просто сменить обстановку и куда-нибудь уехать? – предположил он. – Хочешь в Токио?

Я вздрогнула от радости. Поездка в Японию представлялась мне очень заманчивой.

– К тому же встретишься со своей знакомой. И, может, она согласится прочитать тебе еще несколько лекций. Как ее зовут? – запнулся он.

– Госпожа Цутида, – улыбаясь, ответила я. – Но как я могу оставить сейчас дело?

– Но ведь в школе у тебя начались каникулы. А в агентстве, наверное, есть кому тебя заменить?

– Возможно, – неуверенно произнесла я.

– О визе и остальных формальностях я сам позабочусь. Думаю, месяца тебе будет достаточно.

– Спасибо, Ито-сан! – радостно сказала я. – Возможно, это как раз то, что мне сейчас необходимо.

Обещав все взвесить и подумать над его предложением, я вежливо попрощалась и уехала домой.

*Гляжу на цветы.
Нет, они не причастны,
Я их не виню!
Но глубоко в сердце моем
Таится тревожная боль.*

Сайгё

На следующий день я проснулась в твердой решимости поговорить с Лизой. Она целые дни проводила в приемной агентства, отвечая на телефонные звонки, записывая заказы и оформляя договора. Недавно Лиза привела себе помощницу, некую Злату. Когда я узнала, что ее рекомендовал Павел Николаевич, то сначала растерялась и испугалась.

Павел Николаевич, занимающий какой-то пост в министерстве – я никогда не выясняла, какой и в каком именно, – познакомился со мной на одном из приемов, устроенных господином Ито. И получилось, что я через какое-то время стала его госпожой, ведь Павел Николаевич был мазохистом, хотя тщательно скрывал это. Между нами установились вполне определенные отношения, устраивающие нас обоих. Но после моего пребывания в рабстве бить, связывать, унижать кого-то, пусть даже в сексуальной игре, оказалось выше моих сил. И я прервала с ним отношения «госпожа – раб». Он умолял меня, но я категорически отказалась. Через какое-то время, к моему неприятному удивлению, юная, робкая и застенчивая, к тому же все еще не оправившаяся после тех ужасных событий Лиза неожиданно заняла мое место.

– Мне нравится причинять ему боль, – заявила она. – К тому же ты знаешь, как я их всех ненавижу!

Лиза, когда попала в тот жуткий дом, была девственницей. Не хочу вспоминать, какому насилию она там подвергалась ежедневно. Так что ее чувства мне были вполне понятны.

«Но как же они вступают в контакт? – думала я, быстро идя к офису от своей машины. – Ведь лучшее вознаграждение рабу – это возможность «искать зернышко»³. Или Лиза уже каким-то образом решила психологическую проблему и допускает до своего тела мужчину? Тогда почему же я все еще не могу?»

Я постаралась принять безмятежный вид и подошла к стеклянным дверям офиса. Охранник, стоящий у входа, быстро распахнул их передо мной и вежливо поздоровался.

– Все в порядке, Слава? – поинтересовалась я.

– Все отлично, Татьяна Андреевна, – бодро ответил он.

Лиза сидела на своем рабочем месте, утопающем в цветах, и внимательно смотрела в монитор. Выглядела она, как всегда, восхитительно. Густые темные волосы она сегодня затянула в хвост, что сделало ее узкое белое лицо еще более утонченным и нежным. Огромные темно-карие глаза с длинными густыми ресницами были слегка подкрашены, светло-розовые губы чуть блестели бесцветной помадой. Она подняла глаза со строгим, но приветливым выражением. Но, увидев, что это я, расцвела какой-то детской милой улыбкой.

– Танюша! – защебетала Лиза звонким голосом. – Как ты сегодня рано! Всего десять утра! У девушек занятия начинаются только в полдень. У тебя же вчера отчетный концерт в школе был. Я думала, ты решишь отоспаться! Зачем ты так рано встала? – заботливо спросила она, выходя из-за стола.

После выписки из клиники я привезла Лизу к себе, и она какое-то время жила в моей квартире. Мы с ней были ближе родных сестер. И хотя Лиза младше меня, но заботилась обо мне и доме как старшая. А когда я открыла это агентство, то Лиза с таким же усердием стала заботиться о Сакуре, Идзуми и о процветании нашего общего дела. Для меня она стала незаменимой помощницей.

– Хочешь, принесу тебе свежий чай в кабинет? – продолжала хлопотать Лиза. – У меня есть очень вкусные конфеты, – немного лукаво добавила она.

– Конфеты? – слегка оживилась я.

– Да, импортные. Молочный шоколад в виде морских ракушек. Просто во рту тают. Это мне Павел Николаевич вчера подарил.

³ «Искать зернышко» – так на довольно образном языке, который часто употребляли гейши, назывался куннилингус.

Я внимательно на нее глянула и прошла в свой кабинет. Лиза устроила все так, что он выглядел роскошным и каким-то помпезным. И меня это немного раздражало. Темный полированный стол, обитые синим бархатом с золотыми прошивками кресла с дубовыми подлокотниками, тяжелые золотые шторы – все это, как мне казалось, не подходило по стилю к агентству, предоставляющему услуги гейш. На стенах, правда, висело несколько отличных копий японских эротических картин в стиле сунга⁴. Но среди этой вычурной мебели они выглядели нелепо. Цветочная композиция на моем столе тоже не соответствовала японскому стилю. Ее обычно составляла Лиза и действовала по настроению, а не по канонам искусства икебаны. Вот и сегодня я увидела в плоской белой керамической вазе никак не сочетающиеся между собой красные розы и голубые незабудки.

Я села за стол и задумчиво посмотрела на одну из картин. Юноша и девушка стояли в какой-то немыслимой позе во дворе. Девушка, неестественно изогнув шею, опиралась головой о стену дома. Одна ее нога была согнута в колене и высоко поднята вверх. Одежда задралась и обнажила нижнюю часть тела. Ее «яшмовые ворота», полностью открытые зрителю, художник изобразил преувеличенно большими. Как, впрочем, и «нефритовый стебель» юноши, стоящего позади девушки на полусогнутых широко расставленных ногах. Его одежда была также поднята, совокупление было в полном разгаре, «нефритовый стебель» наполовину скрывался в отверстии «яшмовых ворот», но лица участников ничего не выражали. Они казались невозмутимыми масками, даже без намека на эмоции. Раньше меня возбуждали эти картины, особенно вид изображавшегося традиционно огромным «нефритового стебля», но сейчас эти произведения древнего японского искусства вызывали скорее раздражение.

Я вздохнула и отвела взгляд. В этот момент в кабинет вошла Лиза, неся поднос с чайным набором.

– А вот и я! – ласково проговорила она. – Ты, наверное, ждалась? И в горле уже пересохло?

– Нет, не особо. Я смотрела на картины.

– А, на эти! – непонятым тоном сказала Лиза и слегка поморщилась. – В принципе, мы можем поменять их на что-нибудь более пристойное. Скажем, на изображения горы Фудзиямы.

– Ты сказала «горы Фудзи горы», – тихо заметила я.

– Что? – непонимающе улыбнулась Лиза.

– «Яма» переводится как «гора», – пояснила я. – Так что ты повторила это слово дважды.

– Ну, я же не обучалась в Японии! – рассмеялась Лиза. – И всех этих тонкостей не знаю.

– Извини, – мягко ответила я. – А по поводу сунга нужно подумать.

– Что, тебе уже тоже они разонравились? – усмехнулась она. – Хорошо, я поищу в художественном салоне что-нибудь более пристойное.

Лиза поставила чашки на стол и разлила чай. Она устроилась напротив меня и внимательно посмотрела прямо в глаза.

– Танюша, у тебя что-то случилось, – после довольно длительного изучения моего лица констатировала она.

– С чего ты взяла? – спросила я, отпивая чай и опуская ресницы.

– Ни с чего! Просто я чувствую на интуитивном уровне. Ты ведь мне больше, чем сестра, – спокойно ответила Лиза.

⁴ *Сунга* – «весенние картины» – картины эротического содержания, запрещенные в современной Японии как порнографические.

– Вчера после концерта я ездила в гости к нашему общему другу господину Ито, – после паузы, чувствуя легкое волнение, ответила я.

– Да? – спросила Лиза.

И одна из ее тонких, красиво очерченных бровей приподнялась.

– Да, ездила, – вздохнула я.

– И что? – подтолкнула она меня.

– Абсолютно ничего!

Я встала и отошла к окну, повернувшись к Лизе спиной. Так мне, несомненно, легче было говорить с ней на эту тему.

– Хотела у тебя спросить, Лизавета, – чуть тише начала я, – а как у тебя с Павлом Николаевичем складываются интимные отношения?

После продолжительного молчания я обернулась. Лиза сидела, нахохлившись, как озябший воробей, и неподвижно смотрела в пол. Я подбежала к ней, села на корточки и попыталась заглянуть в глаза, ругая себя за бестактность. Лиза посмотрела на меня пристально, но ее глаза оставались сухими.

– Прости меня, девочка, – тихо произнесла я. – Просто у меня жуткая проблема с интимной жизнью. Я не знаю, что мне делать!

– Для тебя это так важно? – спросила Лиза.

Ее лицо разгладилось и приняло успокоенное выражение. Я встала и вернулась за стол. Отпив уже теплый чай, устало проговорила:

– Я ведь все-таки гейша. Это, конечно же, ни в коей мере не проститутка, но без секса моей карьере конец. Даже господин Ито вчера отметил, что я утратила эротическое обаяние и от этого словно погасла. Мы-то с тобой знаем, отчего это происходит со мной. Но другим невдомек. Вот я и решила спросить у тебя об этой проблеме. Может, ты нашла какой-то способ справиться с этим?

– Я и не искала, – сказала Лиза. – Мне это не нужно. Я прекрасно живу без секса и считаю, что ничего более отвратительного, чем акт совокупления, и быть не может. Я ненавижу даже вид члена, и Павел Николаевич, по моему требованию, всегда при мне ходит в короткой юбочке в складку, типа клетчатого килта⁵, которую я ему сама сшила. Скорее не ходит, а ползает на четвереньках в голом виде и в этой юбочке, – неожиданно добавила она и расхохоталась.

– Лиза! – немного укоризненно сказала я и нахмурилась. – Я всегда уважаю мужчину, который рядом со мной, каким бы он ни был странным в своих сексуальных пристрастиях.

– Так это ты! – посмеиваясь, ответила она. – А я считаю, что мне повезло и судьба предоставила мне игрушку для моих прихотей в лице одного из этих мерзких представителей класса самцов. И я мучаю его в свое удовольствие. Хотя и у моего раба бывают минуты наивысшего блаженства.

– Да? – оживилась я.

– Я иногда под настроение позволяю ему поцеловать, но только поцеловать и ничего больше, то, что у меня между ног, – шепотом сказала она. И громко добавила: – Он потом неделю счастлив, идиот!

Мы замолчали. Я задумчиво вертела карандаш в пальцах и не сводила глаз с покрасневшего лица Лизы. Сейчас я понимала, что дельного совета от нее ждать нечего. Видимо, придется обратиться к врачу, чего мне делать совсем не хотелось.

Из черной записной книжки с изображением красного дракона на обложке:

⁵ *Килт* – шотландская мужская юбка.

«Можно освободиться от горя, волнения, тоски и даже от жизни и смерти. Надо отбросить все различия и раствориться в мире. Дао – это и есть я, и по этой причине все существующее является мной. Дао неисчерпаемо и безгранично, оно не рождается и не умирает, и поэтому я также неисчерпаем и безграничен, не рождаюсь и не умираю. Перед смертью я существую, и после смерти я также существую. Скажете, что я умер? Ведь я не умираю. И огонь не сжигает меня, и в воде я не тоню. Я превращаюсь в пепел, и все же я существую. Я превращаюсь в лапку бабочки, в печенку мыши, но все же я существую. Сколь же я свободен, сколь долговечен, сколь велик! ...Все различные признаки являются моими признаками, и все различия отбрасываются. Все вещи со странными и необычными признаками – все слилось воедино. Все является дао, все является мной. Это и значит, что Небо и Земля рождаются со мной, а все вещи составляют единство с «я».

Чжуан-цзы

На следующий день я вновь попыталась поговорить с Лизой на эту тему. Но она упорно твердила, что чувствует себя прекрасно и абсолютно здорова. Я хотела, чтобы мы обратились к врачу вместе. И потом мне крайне не нравилось, что ее отношения с Павлом Николаевичем так стремительно развиваются. Человеческая психика всегда загадочна и непостижима. И я опасалась, что подобные отношения приведут Лизу к печальным последствиям. Ей явно доставляло наслаждение издеваться и унижать. И я стала замечать, что в ее глазах иногда появляется какой-то нехороший блеск.

– Да все нормально! – твердила Лиза, отмахиваясь от моих предостережений. – Не понимаю, чего ты так беспокоишься? Ведь это всего лишь забавная игра и ничего более!

– Я беспокоюсь только о тебе. Такая игра может завести бог знает куда, ты должна это понимать! – начинала я сердиться.

– Таня! Я вполне взрослая женщина и отдаю себе отчет! – так же сердилась Лиза. Ей было всего 18 лет.

«А может, на самом деле организовать проведение настоящих чайных церемоний, а Лизу попросить стать тядзин?⁶» – подумала я после одного из таких споров.

Когда я жила в Токио, то несколько раз присутствовала на подобных мероприятиях.

Тядзин играла на них главную роль. Она была ведущей всего действия и задавала тон.

«Попрошу Лизу внимательно изучить искусство традиционной церемонии. А это очень сложное и интригующее по своей сути дело, – думала я. – Это вам не наши «шесть стаканов чая с малинишным вареньем» после бани. Это целый обряд. И у нас мало кто с ним знаком. Лизе будет интересно, возможно, отвлечет ее. Да и помещение нужно будет полностью переоборудовать».

Приняв это решение, я немного успокоилась.

*Горный поток!
Волны ударят о камень,
Выбьют огонь.
Искрами разлетаясь,
Сыплются светляки.*

Сётэцу

⁶ Тядзин – хозяйка чайной церемонии.

Господин Ито в конце недели все-таки устроил вечеринку и пригласил меня выступить в качестве гейши Аямэ. Я обрадовалась и решила не ударить в грязь лицом.

– А мои девушки Идзуми и Сакура? – поинтересовалась я.

– Не стоит их брать, – нехотя проговорил господин Ито. – Они, несомненно, прекрасны, но пока абсолютно не гейши. А мне очень важно впечатление господина Миуры, я же тебе говорил. Если он сочтет возможным, то подпишет с нами очень выгодный контракт. Пойми, Таня, сложность ситуации. Ведь я практически один олицетворяю здесь всю нашу фирму. Идзуми и Сакура – отличные подделки, вернее, сырые работы мастера, – поправился он, – а мы, японцы, ценим только законченные произведения искусства, – добавил он. – Работай и преврати их в таковых.

– Я поняла, Ито-сан, – ответила я и опустила глаза.

– Впрочем, – задумчиво произнес он, – можешь взять с собой твою сотрудницу Лизу. Она необыкновенно утонченная и воспитанная девушка.

Я с радостью согласилась. Но, как потом оказалось, совершенно зря.

Я думала, что господин Ито соберет гостей в загородном доме, как он это обычно делал, или в квартире на Ордынке. Но он пригласил всех в какой-то неизвестный мне ночной клуб, находящийся в небольшом подвальном помещении в одном из переулков Арбата. Для меня это представляло определенную сложность, так как я не знала, смогу ли там переодеться и загримироваться. В день вечеринки я позвонила господину Ито, чтобы это выяснить.

– Не волнуйся, Таня, там есть комната отдыха для персонала. В ней и переоденешься, я договорился. А клуб я снял на всю ночь. Так что мы будем одни. И гостей в общем-то немного. Узкий круг друзей. Я решил не собирать шумную многочисленную толпу. Знаю я вас, русских. Это обычно заканчивается массовой попойкой. А мне сейчас это ни к чему. Господин Миура впервые в вашей стране. Зачем его сразу так пугать? – неожиданно хихикнул он.

– Вы правы, – улыбнулась я.

Лиза, к моему удивлению, с удовольствием приняла приглашение. Она предпочитала проводить время допоздна на работе или в обществе своего «раба», поэтому ее готовность повеселиться где-то на стороне я сочла хорошим признаком.

– А Павел Николаевич приглашен, не знаешь? – все-таки спросила она. – Ведь он в прекрасных отношениях с твоим Ито.

– Не знаю, Лизонька, – ответила я. – Если приглашен, он сам тебе об этом скажет. Но учти, что я поеду намного раньше, так как нужно загримироваться.

– Хорошо. Скажи мне адрес, и я появлюсь в назначенный срок, – спокойно сказала она.

Когда я подъехала к клубу, то сразу поняла, почему господин Ито остановил свой выбор на нем. Над входом светилось название «Ветка сакуры», внутри все было оформлено в японском стиле. Подхватив сумку, я прошла в сопровождении администратора в отведенную мне комнату.

– Простите, а у вас проводятся чайные церемонии? – решила я задать ему вопрос.

– Мы думали об этом, – с готовностью ответил администратор, молодой парень азиатской внешности, с длинными угольно-черными волосами, заплетенными в тонкую косичку. – Но ведь у нас ночной клуб в основном для молодежи, с баром и караоке. Коктейли носят названия типа фирменного «Ветка сакуры» или «Меч самурая», а на самом деле это стандартные водочные или ликерные смеси. К примеру, обычная «Кровавая Мэри» у нас называется «Кровь дракона». Это просто стилизация под Японию на потребу моде. Народ хочет чего-нибудь экзотического, вот директор и решил все переделать. Раньше здесь вообще стандартное кафе-мороженое было. Так что настоящая чайная церемония, боюсь, не покатит.

– Ясно, – улыбнулась я. – А как вы думаете, это было бы интересно для состоятельных господ?

– Трудно сказать, – задумчиво ответил он. – Только если для очень узкого круга. А вы – японка? – неожиданно спросил он.

– На четверть, – рассмеялась я. – И работаю гейшей.

– Как интересно! – с воодушевлением заметил администратор, наблюдая, как я открываю сумку и достаю черное шелковое кимоно с узором из золотых бамбуковых веточек. – Жаль, что заказчик, господин Ито, запретил персоналу показываться в зале. Но я буду наблюдать за вами в щелочку, – тихо засмеялся он.

– Конечно, – улыбнулась я. – А сейчас...

– Да-да, я удаляюсь, – тут же понял он и мгновенно и бесшумно испарился, словно его и не было.

«Когда появится Лиза, надо будет улучшить минутку и поговорить с ней об организации чайной церемонии, – подумала я, доставая из коробки гэта. – Атмосфера здесь самая подходящая. И Лиза быстрее проникнется идеей».

Но все вышло совсем не так, как я планировала. Вечеринка была в самом разгаре, а Лиза все еще не появилась. Я в образе гейши с набеленным лицом и в парике прически «кэйсэй-симада» медленно прохаживалась между гостями, уделяя всем достаточное внимание и вступая в различные беседы. Наиболее часто я, естественно, подходила к господину Ито и его важному гостю господину Миуре. Тот оказался молодым на вид японцем с узким желтым лицом, большими светло-кариими глазами и довольно пухлыми губами. Он совсем не говорил по-русски, зато отлично владел английским. И очень обрадовался, что я тоже знаю этот язык. Я видела, что он чувствует себя в новой обстановке немного неуютно, к тому же он только несколько дней назад прилетел из Токио и еще не акклиматизировался. Разница во времени также давала о себе знать. Я понимала это и старалась сделать все, чтобы господин Миура чувствовал себя как дома. Он иногда с явным любопытством поглядывал на меня, но вопросов пока не задавал. Говорили в основном я и господин Ито. Плохо в данной ситуации было то, что господин Миура, как выяснилось, вообще не употреблял спиртное. Я подливала гостям теплое саке, отвечала на шутки, потом исполнила несколько номеров на сямисэне. Краем глаза я видела, что господин Миура слушает с явным удовольствием. После моего выступления он даже подошел и выразил восхищение. Я увидела, что он чувствует себя уже более непринужденно.

Два официанта подали закуски, разнообразные бутерброды с рыбой, роллы и суши, выложенные на плоские керамические блюда, и быстро удалились из зала. Столики были низкими и квадратными, из какого-то темного дерева, на полу лежали толстые циновки, стены украшали огромные раскрытые веера с яркими рисунками, бра были в виде красных фонариков с шелковыми кистями на концах и черными иероглифами на боках. Гости уселись за столики прямо на пол и с удовольствием принялись за еду. Господин Миура наконец расслабился и тоже начал уплетать закуски, о чем-то оживленно переговариваясь с господином Ито. Потом он жестом подозвал меня и пригласил присоединиться к их столику. Но только я, поблагодарив, опустилась на циновки рядом с ним, аккуратно подобрав длинные полы кимоно и подняв кувшинчик с саке, чтобы подлить господину Ито, произошло почти одновременно два события.

В дверях появился господин Кобаяси. Это был наш общий друг. Он работал секретарем посольства, его дочь Кихару училась в школе, где я преподавала в танцевальной студии. Но помимо этого господин Кобаяси являлся мастером шибари, японского эротического связывания. Об этом знали только я и господин Ито. Мне как-то пришлось обратиться к господину Кобаяси, чтобы получить определенные знания по японским BDSM-практикам⁷, и впечатления от связывания превзошли все мои ожидания.

⁷ BDSM – садомазохистские практики.

При его появлении господин Ито сразу встал и направился к новому гостю. Тот извинился за опоздание и приветливо поздоровался с присутствующими. Господин Ито пригласил его за наш столик, познакомил с господином Миурой и спросил немного шутливо, не видел ли он по дороге где-то застрявшего Павла Николаевича, которого он тоже пригласил на вечеринку.

– Он мне не попался, – так же шутливо ответил господин Кобаяси, улыбаясь черными щелочками глаз.

Он кивнул мне, и его глаза блеснули. Таня и Аямэ были для него разными людьми, но мне казалось, он давно догадывался, что это один человек.

В этот момент – как раз я подумала, куда же запропастилась Лиза, – раздался какой-то странный лай, сменившийся жалобным поскуливанием, и в зал вошла она. Это зрелище все еще стоит у меня перед глазами. Лиза была одета необычайно элегантно. Строгий белый костюм, состоящий из узкой юбки и короткого приталенного пиджака, плотно облегал ее стройную изящную фигуру. Его дополняли газовый шарфик черного цвета в белый горошек, свободно свисающий вдоль низко расстегнутого выреза пиджака, и черная шляпа с небольшой вуалеткой, опущенной на глаза и почти скрывающей верхнюю часть лица. Зато четко были видны губы, густо накрашенные алой блестящей помадой. Лиза надела черные туфли на необычайно высокой и тонкой шпильке и, как мне показалось, с трудом стояла в них. Потом только я поняла, что она сильно пьяна. Рукой в черной узкой перчатке Лиза держала поводок, на конце которого я увидела пристегнутого за ошейник Павла Николаевича, стоящего на четвереньках с опущенной головой.

– А с собаками сюда можно? – тонко и капризно спросила Лиза и легко пнула узким носком туфельки Павла Николаевича.

Он сильно вздрогнул всем телом и вновь заскулил.

– Ты опять за свое, скотина?! – взвизгнула Лиза и пнула его сильнее, с трудом удержавшись на ногах.

В зале воцарилась мертвая тишина. Я увидела, как лицо господина Ито заливается краской. Он беспомощно глянул на меня, потом перевел взгляд на своего важного гостя. Тот смотрел с явным любопытством, видимо, абсолютно не понимая, что происходит. Я уже хотела вмешаться, но господин Кобаяси опередил меня. Он мгновенно понял, в чем дело, и ринулся к Лизе.

– Мадам, вы ошиблись адресом, – громко проговорил он, выводя ее из зала.

Павел Николаевич полз за ними на четвереньках.

– Ничего я не ошиблась! – попробовала возмутиться Лиза. – Меня Таня пригласила! Слышь, япошка? Где она?!

– Здесь нет никакой Тани, – уверенно сказал господин Кобаяси и вывел ее за дверь.

Гости облегченно засмеялись и принялись за еду.

– Загадочная русская душа, – попробовал исправить впечатление господин Ито, улыбаясь и кланяясь, словно это зрелище входило в программу вечера.

– Yes, yes, – кивал ему в такт господин Миура и тоже улыбался.

Когда вернулся господин Кобаяси, мы отошли в сторону.

– Я посадил их в такси, – ответил он на мой немой вопрос. – Хорошо еще, что Павла Николаевича никто, кроме господина Ито, из присутствующих не знает. А то скандала бы не избежать, – добавил он, внимательно глядя мне в глаза.

– Это ужасно, – тихо сказала я. – И я завтра же серьезно поговорю с Лизой.

– Не стоит придавать этому такое уж значение, – мягко произнес он. – Во-первых, они оба пьяны, во-вторых, мазохист – это суть натуры, и с этим ничего не поделаешь. Повлиять на это невозможно. Главное, что эта пара в гармонии.

«Японцы все об одном, – подумала я, вздохнув. – Ох, уж эта их пресловутая гармония!»

– Припоминаю, – после паузы тихо проговорил господин Кобаяси, хитро на меня глядя, – один из вечеров в загородном доме нашего общего друга Ито. Тогда Павел Николаевич неожиданно рухнул к ногам некоей Тани и прижался губами к ее туфельке. Сейчас я, кажется, начинаю понимать подоплеку всей этой истории.

– Но ведь у него тогда просто закружилась голова от сильного запаха сирени, – опрометчиво сказала я, думая о своем.

– Но как вы, Аямэ, можете это знать? – напрямую спросил он. – Ведь вас там тогда, насколько я помню, не было? Или были?

– Ладно, вы меня поймали! – засмеялась я. – Но ведь вы давно подозревали, что гейша Аямэ и русская девушка Таня – одно лицо?

– После нашего сеанса шибари я в этом был почти уверен. Не хотите повторить? – вкрадчиво спросил он.

«А может, вновь попробовать? – мелькнула шальная мысль. – Может, это именно то, что поможет мне? Клин иногда выбивается клином».

– Я подумаю, Мастер, – тихо сказала я.

– Буду ждать с нетерпением, – еле слышно проговорил господин Кобаяси и отошел от меня.

Лиза появилась в офисе только через два дня после вечеринки. Я не звонила ей и не пыталась найти. Мы занимались разучиванием новой мелодии на сямисэне с Идзуми, когда Лиза робко заглянула в дверь. Сакура, которая в этот момент примеряла новое кимоно, вскрикнула и быстро запахла полы. Но увидев, что это Лиза, улыбнулась и громко поздоровалась.

– Привет, привет, – вяло ответила Лиза, входя к нам. – Не помешаю?

– Нет, – сказала я, настороженно на нее глядя. – У Идзуми, мне кажется, устали пальцы.

Хоть господин Ито и критиковал моих девушек, но кое-что они уже отлично понимали, вернее, чувствовали. Один из основных талантов гейши – способность улавливать тончайшие нюансы настроения присутствующих и вести себя в соответствии с ними. Мне иногда приходило на ум сравнение гейши с пушинкой, легко плывущей по воздуху и подчиняющейся малейшим изменениям ветерка, словно она была его частью. Мы с Лизой говорили обычным тоном, наши лица ничего особенного не выражали, но Сакура, а вслед за ней и Идзуми быстро встали, извинились и покинули помещение, шестым чувством поняв, что нам необходимо остаться наедине.

– Проходи, – немного устало сказала я, когда за ними закрылась дверь.

Ситуация меня сильно смущала. Я не считала себя вправе читать нотации, поэтому решила подождать, что она мне скажет.

Лиза прошла к небольшому кожаному дивану, стоящему в дальнем углу, и села, потупив глаза. У нее был вид провинившейся сотрудницы, пришедшей на собеседование к суровому боссу. Но я молчала, аккуратно разбирая сямисэн и пряча его в футляр. Потом спокойно подошла к Лизе и села рядом, откинувшись на мягкую спинку дивана. День сегодня выдался необычайно жаркий и солнечный. И Лиза надела тонкие полотняные брюки и вышитую по вороту мелким цветочным узором белую батистовую блузку. Но ее лицо показалось мне блее этой блузки. Я вдруг поняла, что она от волнения практически в полубморочном состоянии. И обняв ее за плечи, мягко проговорила:

– Ничего страшного не произошло, дорогая. Никто и не понял, а господин Ито тебя вообще не узнал. Не бойся!

Лиза подняла ресницы, и я увидела ее огромные карие глаза с сильно расширившимися зрачками. В них застыл ужас.

– Ты не все знаешь, Танечка, – шепотом сказала она. – Мы потом приехали домой, и я избила Павла Николаевича до бесчувственного состояния. Он сейчас в больнице. Я была

настолько пьяна, что даже не помню, как и чем ухитрилась проломить ему голову. Вся квартира была залита кровью.

Она всхлипнула и закрыла лицо руками. Сейчас я почувствовала, как кровь отхлынула от моего лица. Я буквально потеряла дар речи.

– А потом я выгнала его на улицу и при этом кричала, чтобы он полз в свою конуру и подох там, как паршивая собака. Это он мне рассказал уже в больнице, – тихо добавила она.

– Значит, с ним все в порядке? – перевела я дух.

– Не совсем. У него сотрясение мозга, сломано два ребра, а еще на двух – трещины. Его подобрала милиция в двух кварталах от моей квартиры. А так как он тоже был пьян, то они решили, что его избили хулиганы. Он, когда очнулся, подтвердил эту версию.

– Хорошо развлеклись! – заметила я и истерично рассмеялась. – Надеюсь, все обойдется!

– Заживет как на собаке, – хмуро ответила Лиза.

– А он не может показать на тебя? – поинтересовалась я. – Кто его знает!

– Что ты! – усмехнулась Лиза и, к моему несказанному удивлению, достала сигарету. – Я сейчас от него. И он мне признался, что если раньше я была для него госпожой, то сейчас я – его бог. И мне можно убить, если я так решу.

– Ох, Лиза, Лиза, – сурово сказала я, – говорила я тебе, предупреждала, что такие игры до добра не доводят. Что это ты куришь? И с каких это пор? Тем более здесь?

Я потянула носом и почувствовала неприятный, очень специфический, сладковатый запах.

– Так, покуриваю иногда, – ответила она и затаилась. – Помогает расслабиться. Просто при тебе я не курила. Знала, что будешь возмущаться.

– Но ведь это вредно, и цвет лица очень портится.

– А зачем мне цвет лица? – хмыкнула Лиза. – К тому же это анаша.

– Что?! – тут же взвилась я и выхватила сигарету из ее дрожащих пальчиков. – Где ты взяла эту дрянь?

– Тимур угостил, – невозмутимо ответила она и ясно на меня глянула.

– Тим? – удивилась я. – Ну, я с ним поговорю еще на эту тему!

– Попробуй, – вяло сказала Лиза и встала. – Только никто тебя не боится!

Я встала следом.

– Как он, кстати? – спросила я.

– Замечательно. У него новая взрослая тетенька и еще богаче предыдущей, – зло засмеялась Лиза.

Тимур, или Тим, как его обычно называли, был нашим общим другом, и какое-то время мы вместе жили в одной квартире. Этот эффектный молодой человек являлся моим земляком, окончил одно со мной культпросветучилище, танцевальное отделение, и приехал в столицу, чтобы устроиться за счет богатой женщины. Именно для этой цели он стал работать стриптизером в ночном клубе «Мен». Последнее время он жил с богатой пятидесятилетней дамой, поэтому виделись мы с ним крайне редко. Но оказывается, Лиза с ним встречалась! Мне стало отчего-то неприятно.

– Я с ним столкнулась абсолютно случайно, – словно читая мои мысли, проговорила Лиза и затушила недокуренную сигарету. – Ты же сама сказала, что тебя раздражают картины сунга в кабинете. Вот я и решила подобрать что-нибудь более приличное. И в одном художественном салоне нос к носу столкнулась с Тимом и его новым «малышом». Они тоже присматривали картину для своего гнездышка, – ехидно добавила она.

– Ну-ну, – только и сказала я. – А куда же предыдущая подружка делась?

– Мы потом с Тимом, когда его дама укатила в салон красоты, немного посидели в кафешке. Его история банальна, как этот банальный мир, – скривив губы, проговорила

Лиза. – Та престарелая «малышка» не купила ему квартиру, как Тим рассчитывал, держала на привязи одними обещаниями, дико ко всем и всему ревновала и в конце концов выгнала его на улицу, в чем он был.

– Кошмар! – встряла я. – А ведь мы с тобой его предупреждали.

– Да он и не особо расстроился. Тут же в клубе на очередном представлении подцепил бабу еще круче прежней и охмуряет сейчас ее. А первая одумалась и умоляет вернуться. Тим развлекается и делает ставки, кто больше за него даст. Да, кстати, Таня, он передавал тебе привет. У меня есть его новый телефон. Он сказал, что хочет смотаться на недельку в родной город. Может, составишь ему компанию? – неожиданно предложила Лиза и пристально на меня глянула.

– Я?! – неподдельно изумилась я. – Поехать домой?

Я не была в родном городе больше двух лет. И по правде говоря, родители устали меня звать. Мама несколько раз приезжала в Москву, а отец не появился ни разу, так как ненавидел путешествовать.

– Мне кажется, дорогая, – тихо проговорила Лиза, – тебе необходимо сменить обстановку. Возможно, это именно то, что тебе сейчас нужно.

– Но господин Ито предложил мне поехать в Токио на месяц, – задумчиво произнесла я. – Правда, со сроками пока неопределенность. И как же агентство?

– А на меня, значит, уже боишься оставить? – немного обиженно спросила Лиза. – К тому же с июля по сентябрь жизнь в столице затихает, ты это знаешь. Все в отпусках. Денег мы заработали очень прилично и можем до осени расслабиться. А по поводу Токио еще бабушка надвое сказала.

– Я хотела отпустить Идзуми в июле, а Сакуру в августе.

– Таня, положиись на меня, уезжай спокойно. Я сама со всем разберусь, – решительно проговорила Лиза. – Тем более с Тимом за компанию веселее будет. А я тут пока рекламой займусь.

Из тетради лекций госпожи Цутиды:

«Реклама стала распространяться в Японии в середине XIX века. Работники Ёсивара начали выпускать плакаты, листовки, в которых описывались чары и грациозность куртизанок, а также удобства их жилищ.

Текст одного из объявлений того времени:

«Если женищина окажется неудовлетворительной, она будет заменена на другую. Из-за вашего благосклонного покровительства и благодеяний, за которые я крайне признателен, для меня открылась возможность продолжать дело содержателя дома на протяжении многих лет, однако я с сожалением замечая признаки того, что процветанию Ёсивара наступает конец. Поэтому я предпринял различные попытки продолжать свое дело и решил в дальнейшем не принимать никаких гостей, посланных из чайных домов, но проводить все на основании дешевых цен, приведенных ниже, по принципу «наличные на месте».

Я предлагаю обращать особое внимание на качество саке, пищи и постелей. Буду крайне признателен, если вы благосклонно сообщите своим друзьям о введенных мною улучшениях; нижайше прошу нанести мне визит – в дневное или ночное время, приходя непосредственно в мое заведение, без какого бы то ни было обговаривания в чайных домах.

Мы подаем саке разлива Масамунэ; наша кухня ничем не отличается по качеству от того, что подают в лучших ресторанах. Чаевые

и вознаграждения «друзьям девушки» могут даваться в соответствии со степенью благодарности гостей».

Подписано Мандзи-я Мокити

Отрывок из другого объявления:

«У нас исполняется новый тип танца, выполняемый юдзё под аккомпанемент популярных песен. Этот танец чем-то напоминает то, что исполнялось в древности сира-бёси (певицами), и я уверен, что он станет источником удовольствия для наших почитаемых гостей. Прибывающим в наше заведение либо через посредство чайных домов, либо напрямую будет оказано всевозможное внимание... Относительно расходов, целью моего дома является снизить цены сколько возможно и сделать их соответствующими уровню развлечения гостей».

Подписано Дайку-я Бунсиро

Меню в заведениях Ёсивара тоже стали оформлять, в соответствии с новыми веяниями, более красочно. Какие блюда тогда подавались для клиентов? Много sake, скажем – токкури (бочонок, вмещающий более 30 л), и большое количество хамагури-мэси (хорошей еды: моллюсков с рисом). Раннее меню кухни в Ёсивара описывает следующие специальные блюда, доступные тем гостям, которые желали действительно кутнуть: корень лопуха, зажаренный в масле гома; морские водоросли Арамэ; бобы, ферментированные в масле; порубленная свежая рыба с sake по сезону; грибы; побеги папоротника; вареные чесночные корни; корни лотоса; кальмары; рагу из моллюсков; раковины; сушеный бонит; вареные рисовые колобки; маринованные овощи и прочие деликатесы.

Особыми блюдами проходили жаренная в кляре рыба (тэмпура) и жаркое из угря (кабаяки)».

Свиток второй Ручеек, бегущий меж камней

*Завтра, едва рассветет,
Снова идти мне придется
Через вершины гор.
Месяц уходит по небу
В белые облака.*

Фудзиваро-но Иэака

Я созвонилась с Тимуром. Он действительно решил съездить на недельку в наш городок и очень обрадовался, что я предложила составить ему компанию. Один нюанс – я хотела непременно самолетом, а Тим настаивал на поезде. Поспорив несколько минут, мы рассмеялись, и он неожиданно предложил бросить жребий.

– Пусть судьба решит, – серьезно заявил Тим и тут же шумно задышал в трубку, видимо, с трудом сдерживая очередной приступ смеха.

Но я относилась более уважительно к таким понятиям, как «судьба», «рок», «случайность», поэтому рисковать не стала и просто уступила. И мы решили ехать поездом. Я взяла на себя покупку билетов.

До отъезда у меня оставалась еще неделя. Я привела в порядок дела и попросила Лизу вести себя в мое отсутствие достойно. Она мне это клятвенно пообещала.

– А потом и тебя в отпуск отправим, – ласково сказала я, когда в офис доставили заказанные мной билеты.

– Не хочу, – надула она губы. – Да и куда я поеду?

– Домой не тянет? – осторожно поинтересовалась я.

Лиза приехала после окончания школы в Москву из Твери, где у нее остался, насколько я знала, только отец. Но он был молодым, ему еще не исполнилось сорок, и когда мать Лизы умерла, он вторично женился на девушке старше его дочери на пару лет. И Лиза, едва дождавшись окончания школы, тут же уехала поступать в институт.

– Не тянет, – пробормотала она и нахмурилась. – К тому же Павел Николаевич предлагает в середине августа слетать на Канары. Он мне и загранпаспорт сделает.

– Вот как! – сказала я. – Как, кстати, он себя чувствует?

– Уже хорошо, – усмехнулась Лиза.

Я молча погрозила ей пальцем, а она в ответ показала язык.

На следующий день в агентство неожиданно пожаловал господин Миура. Я в тот момент сидела у себя в кабинете, а в приемной находилась Злата. У Лизы был выходной, и она решила провести его в больнице с Павлом Николаевичем.

Злата, пухленькая хорошенькая блондинка, очень импонировала мне неиссякаемой жизнерадостностью и способностью во всем находить смешное. Она просунула в дверь круглую улыбающуюся мордашку и прыснула.

– Злата! – сурово проговорила я. – В чем дело? Сколько буду тебя учить: входи в кабинет достойно и говори по существу.

– Да, конечно, Татьяна Андреевна, – сказала она и открыла дверь, не переставая улыбаться.

– Ну что там у тебя? – спросила я более спокойно, глядя на ее рыжеватые волосы, синие глаза и ямочки на пухленьких щечках.

На Злату невозможно было долго сердиться. Она просто излучала оптимизм.

– К вам посетитель, – начала сбивчиво объяснять она. – Но он ни слова не говорит по-русски. Он заходит и лопочет что-то. Я слышу слово типа «сямисэн» и пытаюсь объяснить, что ими мы не торгуем и он явно ошибся адресом. «Да и вообще в Москве ими никто не торгует», – добавила я и рассмеялась. Он вытаращил на меня свои черные глазенки и начал что-то лопотать на английском, а потом я услышала «гейся Аямэ» и поняла, что это к вам!

– Сямисэн? – удивленно спросила я. – А может, он сказал «сумимасэн»?

– Может, – охотно согласилась Злата и вновь хихикнула. – Не вижу принципиальной разницы.

– Сумимасэн по-японски «прошу прощения», – пояснила я. – И где же этот загадочный посетитель?

– В приемной ждет, – ответила Злата. – Пригласить к вам?

– Ну конечно! Это наверняка заказчик! Веди! – поторопила я.

Через минуту в кабинет вошел господин Миура. Я с удивлением поприветствовала его, машинально перейдя на английский. Он явно обрадовался и быстро заговорил:

– Ито-сан дал мне этот адрес, чтобы я смог лично засвидетельствовать свое почтение прекрасной Аямэ.

Я пригласила его присесть и позвонила Злате, чтобы она приготовила нам свежий чай. Господин Миура устроился в кресле напротив моего стола и задержал взгляд на картинах сюнга. Я увидела, что легкая краска появилась на его желтых щеках. Я опустила глаза, потом мельком глянула на его лицо и, как при первом знакомстве, решила, что он очень молод. Хотя у японцев возраст определить довольно сложно. Но мне показалось, что господину Миуре не более 23–25 лет.

– Аямэ произвела на меня неизгладимое впечатление, – после паузы заговорил он. – Я впервые уехал так далеко от дома, от семьи. Я чувствую себя очень странно. Увидев Аямэ на приеме, я даже как-то смог успокоиться и почувствовать себя в гармонии. Я готов заплатить любую сумму за вечер с ней, – добавил он и посмотрел мне в глаза, чуть вытянув шею.

– Приятно слышать о хорошем впечатлении, произведенном Аямэ на вас, – спокойно произнесла я. – Но дело в том, что она уезжает в отпуск.

– Я готов ждать ее возвращения, – тут же ответил господин Миура. – Дела складываются таким образом, что я буду работать какое-то время в Москве. Возможно, до конца года, – после паузы тихо добавил он.

– Понятно, – задумчиво проговорила я.

– Хотя бы один вечер до ее отъезда? – спросил он. – Я живу в квартире, любезно приготовленной для меня господином Ито, недалеко от его дома.

«Вот как! – подумала я. – Это очень удобно». И вслух сказала:

– Хорошо. Оставьте ваш адрес, Миура-сан. Если сегодня?

– О! – явно обрадовался он. – Хай! Хай! – отчего-то перешел он на японский. Но тут же поправился: – Yes, yes!

В этот момент в кабинет вплыла раскрасневшаяся Злата с подносом в руках. Она молча поставила чашки на стол, стараясь не глядеть на гостя. Я видела, что она с трудом сдерживает желание рассмеяться. Я грозно глянула на нее, она поджала губы и стремительно покинула кабинет.

Выпив чаю и оговорив условия, ошарашенный господин Миура распрощался со мной. А я тут же набрала номер господина Ито.

– Здравствуйте, Ито-сан, – быстро проговорила я, когда он ответил. – У меня сейчас был господин Миура, поэтому возник ряд вопросов.

– Слушаю внимательно, Таня, – сказал он. – Какие-то проблемы?

– Не то чтобы проблемы. В первый момент я испугалась, что в директоре агентства он узнает гейшу Аямэ.

– Да, я тебя понимаю, – согласился господин Ито. – Ситуация довольно щекотливая. В Японии никогда владелица чайного дома не будет выступать в качестве гейши. У нас строгая иерархия.

– То-то и оно, – вздохнула я.

– Но мы же сразу с тобой предполагали, что тебе какое-то время придется выступать в этом качестве, пока не подготовишь достойные кадры.

– Такими темпами я вечно буду гейшей Аямэ, – сказала я.

– А тебе это больше не нравится? – осторожно поинтересовался господин Ито.

– Даже и не знаю, – призналась я. – Моя проблема не дает мне покоя. Вы знаете какая.

– Но у тебя нет выхода. Пока в Москве ты – единственная гейша. И пока твои девушки не наработают необходимое мастерство, ты не можешь оставить это ремесло. Заметила, большинство заказов именно на тебя? А Сакура и Идзуми идут только как дополнение.

– Да, вы правы, – вновь вздохнула я.

– Кстати, – после паузы быстро сказал он, – могу отправить тебя в Токио, но только в июле. Ты даже можешь улететь вместе с семьей Кобаяси. Он как раз отправится в отпуск. Как?

Кихару, дочка господина Кобаяси, училась в школе, но занятия в моей студии не посещала. Поэтому я ее знала плохо. А с госпожой Кобаяси встречалась несколько раз, и эта женщина не очень ко мне благоволила.

«Лететь с ними в одной компании? – задумалась я. – Но в то же время мне так проще будет».

– Что надумала, Таня? – услышала я в трубке немного нетерпеливый голос господина Ито и быстро ответила:

– Замечательно! С удовольствием полечу вместе с ними.

– Вот и отлично. Обо всех необходимых формальностях я позабочусь сам. Если тебе нужны деньги...

– О нет! Средств у меня достаточно, – быстро сказала я.

– Тогда самый простой вариант – ты возьмешь доллары в Токио у Кобаяси, а по приезде сюда вернешь долг. Мы уже с ним это обсудили. Устроит?

– Конечно! Спасибо. Вы очень добры, Ито-сан.

Мы попрощались. Я положила трубку и выпила окончательно остывший чай. Потом позвонила Злате. Она впорхнула в кабинет все с той же задорной улыбкой.

– Девчонки на занятия явились, – сообщила она, составляя чашки на поднос.

– Сейчас приду, – задумчиво проговорила я.

Сегодня вечером мы должны были выступать на одной корпоративной вечеринке. Но там особого искусства, насколько я понимала, не требовалось. Нас пригласили в качестве экзотического дополнения к программе вечера. Главный бухгалтер одной крупной компании отмечал свой юбилей, снял кафе на всю ночь и решил устроить для коллег развлечение в японском стиле.

«Что ж, – решила я, – девушки сегодня справятся и без меня. А я займусь господином Миурой».

– Он – японец? – спросила Злата, прервав мои размышления.

– Господин Миура? Да.

– Такой молоденький, хорошенький и желтенький, – зашебетала она. – Прямо канареечка!

– Злата! – оборвала я ее, но не смогла сдержать смешка.

– Нет, вы не подумайте, Татьяна Андреевна, он мне очень даже понравился! К тому же меня всегда привлекали восточные мужчины, – зашептала она и округлила глаза.

– Чем же? – поинтересовалась я, вставая из-за стола.

– Как?! – изумилась она. – Вам ли не знать? С вашей-то профессией?

– Чего-чего? – рассмеялась я. – О чем это ты?

– Они же в сексе изобретательны и сведущи, не то что наши козлики! – хмыкнула Злата и презрительно скривила пухлые губки. – Взять хотя бы этот загадочный тантрический секс! – после паузы многозначительно сказала она. – Что мы о нем знаем? Ну, ничегошеньки! А ведь он потихоньку вошел в моду, и каждый уважающий себя человек просто обязан его знать.

– Вот тебе и новости! – заметила я. – А вот я ничего о нем не знаю.

– Да ладно! Скрываете! Ну, Татьяночка Андреевна, поделитесь! – заныла она и умильно заглянула мне в глаза.

– Да с чего ты взяла, что я в курсе? – засмеялась я.

– Лиза говорила, что вы даже в Японии обучались. А уж там вам точно об этом рассказали, – заявила Злата.

– Девочка моя, ты что-то путаешь, – серьезно ответила я. – Насколько я помню, тантра – это что-то, связанное с йогой, а значит, с Индией.

– Да? – округлила она глаза. – И что? Все равно это должны знать все! Спросите у этого нового клиента, вдруг он знает.

– Хорошо, – согласилась я, чтобы от нее отвязаться.

Из голубой тетради с изображением розовых цветов сакуры на обложке:

«Сейчас мы не имеем правильного представления ни о йоге, ни о тантре. То значение, которое дошло до нас, – всего лишь йога-терапия. Исправление осанки, улучшение сна, повышение умственных способностей, элементы самоконтроля – все это, конечно, важно и нужно. Однако, оказывается, есть более глубокие вещи. Это наши инстинкты, все глубинные проявления, связанные с сексуальностью.»

Слово «йога» имеет несколько значений: «единство», «гармония», «союз». Этимология термина «тантра» состоит из двух слагаемых, «тан» – расширение, распускание, пространство и «тра» – инструмент, средство. Таким образом, тантра-йога – средство расширения и развития сознания через союз мужчины и женщины.

Тантра – это наиболее древняя дошедшая до нас система самосовершенствования, где энергия желания не подавляется, а сознательно используется для оздоровления, долголетия и духовного развития.

Тантры – это тексты, где изложена доктрина тантры. Около шести тысяч лет назад до Рождества Христова тантра и йога были одной доктриной и единой практикой. Тантра-йога была известна коренному населению полуострова Индостан. Это место, где сейчас находится Индия. Когда полуостров завоевали арии, северные племена белых людей, коренное население дравидов было превращено в касту слуг. Тантра ушла в подполье, а йога стала использоваться в усеченном или адаптированном варианте.

Тантра-йога – это практика для рождения жизненных сил и гармонизации всех процессов в организме.

Тантра-йога – это лишь один из путей совершенствования духа и тела. Этот путь, так же как и другие, ведет к приобретению уверенности в жизни, познанию себя и отношений между людьми, а в итоге – к радости и свободе. Попутно люди обретают крепкое здоровье и красивое тело».

Облик Аямэ я приняла в офисе, так как не представляла, где смогу переодеться в незнакомой мне квартире. Шофер доставил меня к подъезду, и я, прикрыв набеленное лицо вее-

ром, вышла из машины. И у дверей увидела ожидавшего меня господина Миуру. Он был в строгом европейском костюме.

«Как-то все у нас непродуманно, – недовольно поморщилась я, мелко семеня к нему на гэта. – Неудобно переодеваться в офисе, а потом ехать на место в образе. Все-таки мы не в Японии, где гейшу легко можно встретить прямо на улице».

Но тут же, несмотря на то что мое лицо практически до глаз прикрывал шелковый веер, улыбнулась одними уголками губ, чтобы принять жизнерадостное выражение. Гейша не может морщиться, брюзжать, быть чем-либо недовольной. Она всегда, как утренний цветок под солнечными лучами, раскрыта, безупречно прекрасна и манит мужчину своим непреходящим ики, словно цветок манит пчелу сладким нектаром.

Когда мы поднялись в квартиру, господин Миура проводил меня в большую гостиную, извинился и вышел. Я осталась стоять посередине, невольно озираясь по сторонам. Комната была отделана в излюбленном японцами минималистском стиле. Я не увидела в стене традиционной ниши токонома, но висела узкая полочка, выглядевшая как деревянный овал, пересеченный снизу. Внутри этого овала, словно в нише, на нижней перекладине стояла бамбуковая ваза с композицией икебаны. А по обе стороны этой импровизированной ниши висели два узких листа желтоватой бумаги с иероглифами, выполненными каллиграфом. На полу лежали циновки, стены были оклеены обоями, напоминающими льняное полотно. Огромные окна закрывали бамбуковые жалюзи. Я подошла к низкому деревянному столику, стоящему между окнами, и положила возле него футляр с сямисэном, который принес шофер. Столик был квадратом, стоящим на четырех круглых шарах. На его поверхности я заметила искусно вырезанное изображение двух драконов, образующих кольцо в погоне друг за другом. Я наклонилась и провела пальцем по прохладной поверхности дерева.

– Я родился в год Дракона под знаком Дерева, – услышала я голос господина Миуры и плавно выпрямилась.

«Это ж сколько ему лет?» – невольно подумала я, прикидывая в уме.

Сама я также родилась в год Дракона, но Огненного.

«Значит, ему или будет, или уже есть 32 года, – решила я, произведя в уме вычисления. – Но выглядит намного моложе. Кто бы мог подумать! Просто юноша!»

– Дракон очень хороший знак, – мягко продолжил господин Миура, подходя ко мне. – Он символизирует мужское начало. А этот иероглиф «Тацу», – он поднял руку в направлении одного из каллиграфических изображений, – ты, наверное, знаешь, зодиакальный знак Дракона.

Тут только я заметила, что господин Миура переоделся в традиционное кимоно.

«И кто у нас тут гейша?» – опомнилась я и негромко произнесла:

– Я тоже родилась под этим знаком, только Огня.

– Замечательно! Это сильный, воинственный дракон, но отличающийся истинным благородством, – сказал он. – Может, присядем?

Я молча опустилась на циновки.

– Как насчет чая? Или, может, чего-нибудь покрепче? – спросил он, к моему удивлению. – Я видел, что на приеме ты немного пила саке.

– Разрешите, я за вами поухаживаю, Миура-сан, – предложила я, решив взять инициативу в свои руки.

– Да, мне было бы приятно, Аямэ, – улыбнулся он. – У меня есть коробочка ёкан. Ты, наверное, хотела бы их отведать?

– С удовольствием, – сказала я, припомнив, что ёкан – это сладкая пастила из красной фасоли.

– Пойдем со мной, – улыбаясь, произнес господин Миура.

Мы вышли из гостиной и, пройдя довольно длинный коридор, оказались в большой квадратной кухне, обставленной вполне по-европейски и со множеством современной бытовой техники. После лаконично строгой гостиной я почувствовала себя здесь в образе гейши несколько странно. Господин Миура, напевая что-то себе под нос, включил электрическую плиту и поставил чайник. Потом открыл один из шкафчиков и достал нарядную картонную коробку. Он поставил ее на стол и жестом пригласил меня. Я чувствовала себя все более неловко. Для меня такой клиент был в диковинку. Он вел себя просто и естественно, словно мы были давно знакомы, и даже пытался взять на себя обязанности гейши. Например, я видела, что господин Миура прилагает все усилия, чтобы я чувствовала себя как дома. Он быстро поставил тонкие фарфоровые чашечки на стол, потом плоское плетеное блюдо. Я, выйдя из оцепенения, открыла коробку и начала аккуратно выкладывать разноцветную пастилу.

– Присаживайся, Аямэ, – ласково сказал он. – Ты, наверное, устала. У тебя много клиентов?

– Сегодня вы первый, Миура-сан, – тихо ответила я, подняв на него глаза и чувствуя себя в шелковом кимоно, с высокой прической и набеленным лицом все более нелепо в этой обычной на вид, современной кухне возле хлопчущего мужчины.

– Можешь обращаться ко мне по имени, – неожиданно предложил он. И повернувшись ко мне, добавил: – Меня зовут Акира.

– Хорошо, Акира, – сказала я и улыбнулась в ответ.

– Надеюсь, мы станем добрыми друзьями, – ласково проговорил он и насыпал в заварочный чайничек листочки зеленого чая.

Потом сел напротив меня и близко заглянул в глаза.

– Я вижу, несмотря на твой профессионально безмятежный вид, что ты удивлена, – тихо рассмеялся он.

– Немного, – подтвердила я. – Меня смущает такая непривычная роль.

– Чем же она непривычна? – спросил он и придвинулся ко мне.

Его довольно большие светло-карие глаза оказались напротив моих. Я робко заглянула в них и тут же опустила ресницы. Акира, несомненно, обладал тонким ненавязчивым мужским обаянием, и я уже успела его почувствовать. И даже что-то шевельнулось в душе. Какие-то неосознанные желания возникли в глубине подсознания, и я замерла, пытаюсь их проанализировать.

– Или мое общество тебе неприятно и ты просто выполняешь свою служебную обязанность? – предположил он.

Я подняла на него глаза и улыбнулась. Акира казался мне все более забавным и милым.

– Слушай, – неожиданно для себя спросила я, – а ты что-нибудь знаешь о тантрическом сексе?

Мой вопрос застал его врасплох. Я увидела, как подскочили его темные густые брови, как расширились глаза. Акира закинул голову и расхохотался так искренне и заразительно, что я начала смеяться вместе с ним. Он хохотал до слез и никак не мог остановиться. А когда успокоился, то посмотрел на меня с любопытством и погрозил пальцем.

– Ох, девочка, а ты не так проста, как хочешь казаться, – с трудом переведя дух, проговорил он. – Маленькая принцесса, оказывается, интересуется такими сложными и вечными вопросами.

– Сложными, вечными? – в изумлении переспросила я. – Прости мое невежество, Акира, но я думала, что это какая-то разновидность секса, как, скажем, анальный и вагинальный. Или «бутон к бутону».

Так в Японии называется поза 69. Я, чтобы скрыть невольное смущение, налила чай и подвинула ему чашку.

– Спасибо, Аямэ, – сказал он. – Можешь налить и себе. И кушай, пожалуйста, ёкан.

Мы в молчании выпили чай. Но я видела, что у Акиры иногда начинают приподниматься уголки губ в непроизвольной улыбке. Когда мы закончили, мне даже захотелось помыть посуду и убрать со стола, словно я находилась дома. Но я сдержала этот неуместный для гейши порыв. Акира предложил перейти в гостиную.

Мы расположились на полу. Он непринужденно прилег, привалившись спиной к столу. А я села, собрала сямисэн и начала наигрывать русскую народную песню «Светит месяц».

– Ко-ута? – спросил Акира, внимательно прислушиваясь к мелодии.

– Что? – удивилась я, отложив сямисэн.

– Стиль игры, называется «короткая песня», – пояснил он.

«И мне, гейше, стыдно не знать об этом», – подумала я, опуская глаза.

– Ну вот, ты опять отдалилась от меня, прекрасная Аямэ, – немного грустно заметил Акира и придвинулся, взяв меня за руку.

Его пальцы были сухими и теплыми.

– А на кухне я почувствовал, как наши энергии начали взаимодействовать.

– Да? – с любопытством спросила я. – Что ты имеешь в виду?

– Но ведь ты только что интересовалась тантрическим сексом, – улыбнулся он и придвинулся еще ближе.

– Но ведь гейша должна постоянно учиться чему-то новому, – в тон ему ответила я.

– О! Это обязательно! – одобрил Акира. – И с удовольствием готов помочь. Итак, милая Аямэ, попробую ввести тебя в курс дела. Духовная традиция тантры – это жизненный путь, в центре которого стремление к единству тела, разума и души, и способ его достижения. Тантра является одной из разновидностей йоги, а само слово «йога» и означает «единство». Высшая цель тантры – единение любовников друг с другом и с божественным. В тантрической традиции сексуальность и духовность неотделимы друг от друга.

Акира проговорил все это спокойно и размеренно. Его пальцы не отрывались от моих рук. Он чуть поглаживал мои ладони, и я начала понемногу расслабляться. Мысли текли неторопливо, я прикрыла глаза и внимательно слушала.

– Таинство сексуальности – это форма духовной практики, в которой секс рассматривается как средство достижения высших уровней сознания, – продолжил Акира.

Он сделал паузу. Потом неожиданно предложил мне прилечь. И сам вытянулся на циновках, приняв непринужденную позу. По его жесту я поняла, что он хотел, чтобы я положила голову ему на плечо, но я чуть отстранилась и вновь напряглась. Акира улыбнулся и закинул руки за голову. При этом рукава кимоно сползли практически до плеч, и я отметила, что мышцы выглядят рельефно, словно Акира занимался бодибилдингом.

Я перевернулась на живот и оперлась подбородком о ладони, внимательно глядя на Акиру. Он улыбнулся и тихо проговорил:

– Твое беленькое личико в полумраке комнаты напоминает нежный цветок, а пальцы – тонкие листья у основания его бутона.

Я невольно улыбнулась.

– Есть люди, – продолжил Акира после паузы, состоящей из одних улыбок, – которые так и не научились любить, и в физическом, и в эмоциональном смысле, и есть люди, которые научились не любить. Есть также те, кто научился защищаться от любви. И ты, прости за откровенность, как раз относишься к последней категории. Мне так кажется.

– Но почему, Акира-сан? – тихо спросила я.

Непонятная тоска сжала душу, и я с трудом удержала слезы.

– Загляни в свое прошлое, – ласково сказал он. – Все ответы только там. Любовь предполагает некоторую степень незащитности, и не все к этому готовы. Честно сказать: «Я люблю тебя», возможно, одно из самых трудных в жизни решений.

«И как легко мы тогда с Петром сказали это друг другу!» – подумала я и с ужасом почувствовала, как мои глаза начинают увлажняться.

Я усилием воли постаралась не думать о моем возлюбленном и его ужасной смерти. Но воспоминания нахлынули, и я почти не слушала Акиру. Я мысленно перенеслась в осень 1994 года, в тот день, когда после выступления нашего самодеятельного театра кабуки впервые увидела Петра. Мне было всего 18, ему 28, и наша любовь вспыхнула мгновенно и сильно. И разве я от нее защищалась? Я прыгнула в нее, как в пропасть, не задумываясь и даже не зажмурившись.

– Но, прежде чем полюбить кого-то, нужно научиться любить себя. Воистину, любовь начинается дома, – сказал Акира.

И я вышла из оцепенения.

– Но я люблю себя, – ответила я, незаметно смахнув слезу.

– Отчего же ты тогда сейчас плачешь, Аямэ? – тихо спросил он. – Ведь ты еще очень молода, но в твоих глазах, я заметил, на самом дне всегда таится грусть.

«Никогда клиент не должен видеть на вашем лице даже намека на мирские заботы», – словно услышала я голос госпожи Цутиды, наставляющей меня.

И сразу попыталась принять безмятежный вид.

– Вам это только показалось, Акира-сан, – нежно проворковала я. – Мои глаза слишком горячи, чтобы вода грусти смогла охладить их.

– Любовь к себе – это умение верить себе и слышать свой внутренний голос, – сказал Акира, – отдавать себе отчет в собственной ценности, прелести, уникальности. В терминах тантры «любить себя» – это осознавать, что ты заслуживаешь экстатических переживаний и не должна довольствоваться меньшим.

Он замолчал. Я молчала тоже, поняв, что тантра для меня пока сложна, и просто так, наскоком, я не смогу вникнуть во все эти понятия. К тому же через несколько дней я собиралась уезжать. И это также играло роль в моем настроении.

Акира странным образом почувствовал мой настрой. Он медленно поднялся и помог встать мне.

– Ты можешь вызывать своего водителя, Аямэ, – ласково сказал он. – Мне было необыкновенно приятно провести с тобой этот вечер, но, к сожалению, завтра рано вставать.

Я глянула на него испытующе. По моим меркам, я абсолютно провалила этот вечер как гейша. Но Акира казался искренним.

– Мне бы хотелось после твоего возвращения продолжить, – добавил он. Потом засмеялся и хитро на меня посмотрел, быстро проговорив: – Если, конечно, милую Аямэ еще будет интересовать тантрический секс.

*О, быстротечность!
На изголовье случайно
В дреме забывшись,
Смутною тенью блуждаю
На тропе сновидений.*

Сикиси-найсинно

Спала я после посещения Акиры ужасно. Меня мучили кошмары. Я ясно видела лицо моего заклятого врага Степана, который в моем сне был охранником, караулившим меня и Лизу в той комнате. Он вначале на моих глазах насиловал Лизу, а я не могла двинуться

с места, словно парализованная. Потом он приблизился ко мне, навалился и начал душить. Я извивалась, пыталась вырваться. Но Степан только смеялся и шипел мне в ухо:

– Когда же ты сдохнешь, тварь? Когда же ты отправишься в ад вслед за своим дружкой?

Он начал рвать с меня трусики, я закричала и... проснулась.

Быстро сев на постели, вначале ничего не понимала, только ощущала беспредельный ужас. Сердце колотилось невыносимо сильно, и я задыхалась. Наконец, осознав, что я в своей квартире, а это всего лишь сон, я встала и побрела на кухню. Включив свет, налила себе водки, села за стол и уставилась невидяще в белую дверцу холодильника. Пальцы дрожали, я никак не могла успокоиться.

«Мать Степана, когда я позвонила ей прошлым летом, сказала, что он уехал в Токио на год, – лихорадочно думала я. – Значит, он должен вернуться примерно через месяц, если, конечно, не продлит контракт. Ужас! Я как раз приеду из отпуска».

Я залпом выпила ледяную водку. Потом налила еще и пошла с рюмкой на балкон.

Дом, в который я недавно переехала, был сталинским. Я выбрала квартиру на четвертом этаже с огромной квадратной лоджией, напоминающей террасу, прикрытую высокой полукруглой аркой. Лиза устроила здесь что-то типа зимнего сада. У меня имелся даже маленький водоем, сложенный из натурального камня. Посередине располагался каскадный фонтанчик. Это также была идея Лизы. И я полюбила сидеть возле воды на пластиковом диване, плотно заложённом гобеленовыми подушечками. Обилие цветущих растений – здесь стояли горшки с розами, геранью, какой-то разновидностью выюнка с очень крупными фиолетовыми колокольчиками – радовало глаз, а мелодичное непрерывное журчание воды необычайно успокаивало. Июнь в этом году был сухим и жарким, ночи баюкали мягким ласковым теплом, и я часто засиживалась здесь допоздна.

Я уселась на диван и включила фонтанчик. Лиза придумала для него красивую разноцветную подсветку. Я смотрела на переливающиеся струйки и пила водку маленькими глотками. Цветы пахли тонко и сладко. На улице было достаточно тихо. Моя квартира располагалась недалеко от метро «Аэропорт», и этот район оказался спокойным и для Москвы, в принципе, малолюдным. Потом я уже сообразила, что он застроен в основном сталинскими домами, разделенными просторными дворами и широкими улицами. И именно это обуславливает его малолюдность. В так называемых «спальных» районах, густо заставленных высотками, плотность населения была, несомненно, намного выше.

Я постепенно расслабилась. Возвращаться в спальню не хотелось, и я улеглась прямо здесь, прикрывшись вязаным шерстяным пледом. Неожиданно вспомнила мой вечер с Акирой и невольно улыбнулась. Этот молодой мужчина был мне симпатичен и вызывал любопытство.

«Нужно обязательно встретиться с ним, когда я вернусь из отпуска», – подумала я и закрыла глаза.

Его пухлые постоянно улыбающиеся губы и живые блестящие глаза появились перед моим внутренним взором. Потом я вполне явственно ощутила прикосновение его мягких теплых пальцев. Я вздохнула и вытянулась на спине...

Проснулась рано утром от громкого чириканья воробьев и вначале удивилась, почему я на балконе. Потом быстро села и потянулась. Фонтан все так же журчал, переливаясь побледневшей подсветкой. Я посмотрела на тонкие падающие струи и отчего-то рассмеялась. Настроение стало хорошим, захотелось немедленно что-то сделать, чтобы изменить жизнь к лучшему.

По натуре я была человеком действия и старалась всегда найти выход из какой-либо не устраивающей меня ситуации. И это зачастую мешало. Позже я четко усвоила, что иногда правильнее пустить все на самотек и какое-то время плыть по течению, чем идти против него.

Отсутствие секса из-за невозможности для меня заниматься им в последнее время начало очень раздражать и мешать в работе. Я прекрасно знала, что в обязанности гейши секс не входит, и никто меня к этому, в принципе, и не принуждал. Но господин Ито был прав. Во мне постепенно исчезало ики, эротическое обаяние. А что такое гейша без ики? Просто эстрадный исполнитель, если можно так выразиться.

Я понимала, что после пребывания в рабстве у меня развился вагинизм. Я посмотрела в словаре, что это «ненамеренное (бессознательное) судорожное сокращение окружающих вход во влагалище мышц при попытке совершения полового акта». Но у меня был так называемый вторичный вагинизм – безболезненные половые акты в прошлом, но невозможность их в настоящем по каким-либо причинам. Я-то прекрасно знала, по каким. И даже все-таки посетила врача, чтобы проконсультироваться. Но узнала только, что вторичный лечится намного сложнее, и тут главное – устранить чисто психологические причины. Предложенный мне гипноз или поход к экстрасенсу не вдохновили. А медикаментозные средства врач сам советовал не принимать. И я поняла, что с этой проблемой должна справляться только сама.

Лиза оказалась в той же ситуации, что и я, и по этим же причинам. Но ее способ жить в гармонии с этой проблемой мне абсолютно не подходил. Я уже не могла быть госпожой.

«И все-таки в тантре что-то, несомненно, есть, – подумала я, заходя на кухню и доставая заварочный чайник. – И для начала я должна, как рекомендовал Акира, погрузиться в себя, найти внутри собственного любовника».

Выпив чаю, я села на диван и открыла наугад недавно купленную книгу, которая называлась «Ворон – Мастер дзена: слова и дела мудрой птицы».

«Отдыхая вместе с остальными после дзадзена однажды вечером, Филин спросил:

– Каков дух познания?

– Вопросание, – ответил Ворон.

Филин вскинул голову и спросил:

– О чем же мне вопрошать?

– Хорошее начало, – сказал Ворон», – прочитала я и невольно улыбнулась.

– Так о чем же мне вопрошать? – сказала я вслух и захлопнула книгу.

И решила попытаться научиться медитировать. Еще из занятий с госпожой Цутидой я знала, что медитация – это способ остановить в себе поток мыслей, прервать хотя бы на время нескончаемый внутренний монолог. Госпожа Цутида рекомендовала этот способ, если видела, что ее гейши не могут сосредоточиться на работе и думают о всевозможных повседневных проблемах.

– Лицо гейши, – не уставала повторять она, – это утонченный прекрасный лик, притягивающий взгляд мужчины неземным видом, далеким от любых низменных забот. Улыбка на этом лице – это чувственная загадка, полная эротического обаяния. А весь облик гейши – это ожившее произведение искусства, не меняющееся столетиями и постоянно прекрасное.

Я четко усвоила эти каноны и даже как-то пробовала медитировать, чтобы вызвать соответствующий настрой, но у меня ничего не получилось. «Дзен» в переводе означает «погружение в молчаливое созерцание».

И вот сейчас я решила повторить попытку. Я помнила, что лучше всего сидеть на полу, скрестив ноги, лицом к белой стене. Этот способ назывался дзадзен, буквально «сидячий дзен». Но в моей квартире белых стен не было. Поэтому я села на кухне лицом к своему огромному белому холодильнику. Опустив руки на колени ладонями вверх и максимально расслабившись, я погрузила взгляд в белоснежную поверхность и попыталась углубиться в себя, в то же время ни о чем не думая. Мне это никак не удавалось. Мысли без конца перескакивали с одного на другое. Только я пробовала гасить одну мысль, на ее месте тут же появлялась следующая и, чаще всего, никак с предыдущей не связанная.

«Акира довольно симпатичен, у него такой проникновенный взгляд... Я вчера не успела заплатить за коммунальные услуги, надо бы сегодня это сделать... Дзюбан был у меня. Куда он подевался?.. На лазоревом кимоно случайно прожгли сигаретным пеплом крохотную дырочку...» – проносилось в голове.

Я пыталась освободиться, сосредоточившись на белизне передо мной. И в какой-то миг мне все-таки это удалось. Ощущение показалось интересным. Пустота и тишина. Я повторила, и на этот раз мне удалось задержать полное отсутствие мыслей на более длительный срок. Я ощутила странную легкость в верхней части тела. Зато нижнюю почувствовала более тяжелой. А низ живота, мне показалось, содержит какой-то неподвижный ком, который неприятно давит изнутри.

Когда я встала, то ощутила легкое головокружение. Потом мысли прояснились. И мне захотелось встретиться с господином Кобаяси. Уж и не знаю почему. Возможно, мое подсознание таким образом искало решение мучающей меня проблемы.

Я вновь открыла книгу и прочитала:

«Однажды вечером Ежиха спросила:

– Какое место занимает честь в поисках просветления?

– Чтобы быть настоящей Ежихой, нужно старение, – ответил Ворон.

– Да ладно, достопочтенный. Неужели мне достаточно быть собой? – спросила Ежиха.

– Для всех остальных, – ответил Ворон».

Я легла на диван и закрыла глаза.

«А ведь верно, – подумала я, – зачем так истязать себя? Нужно просто всегда оставаться собой. И решение проблем придет само».

На душе стало легко, я улыбнулась и открыла глаза.

«А вот с господином Кобаяси нужно встретиться непременно! Буду доверять своим внутренним ощущениям».

Я встала, открыла книжный шкаф и нашла тетрадь с лекциями Сайюри, которые записывала, когда проходила теорию сексуальных отношений. Сайюри, молодая японка, обладающая живым умом и добродушным нравом, дала мне основные особенности, я бы сказала, национального секса. Перелистывая толстую общую тетрадь в поисках лекции о шибари, я невольно задержала взгляд на традиционных названиях и с интересом перечитала раздел:

«Совокупление – «умаживание птички в гнезде».

Феллатио, или оральная стимуляция мужских гениталий, – «кручение стебелька». Кун-нилингус, или оральная стимуляция женских гениталий, – «поиск зернышка».

Совокупление сзади – «разрезание дыни».

Взаимная мастурбация – «смешение росы».

Эрекция – «дерево плоти».

Лобковые волосы – «черный мох».

Мужской член – «нефритовый стебель или ствол».

Влагалище – «яшмовые ворота».

Поза 69 – «бутон к бутону».

Оргазм – «лопающийся фрукт».

Бисексуал – «обращающийся с двумя мечами».

Из тетради лекций госпожи Цутиды:

«Гейши часто создавали скандальные ситуации, ведь им поневоле приходилось соперничать с куртизанками. Гейши-мужчины заводили бурные романы, не дававшие проститутке полностью отдаваться своим платным клиентам. Они громко декламировали любовные стихи известных поэтов и свои собственные, постоянно напивались до скотского состояния,

ругали, часто нецензурно, клиентов и своих возлюбленных. Хозяевам чайных домов частенько приходилось их бить, чтобы поставить на место.

В 1779 году было принято решение о регистрации и лицензировании гейши обоих полов. Господин Сёроку, который содержал дом Дайкоку-я, стал главным над всеми гейшами и получил титул Директора Института Гейш. Им были предприняты попытки удержать гейш от нарушения прав проституток в «веселых кварталах».

Гейши-мужчины, составлявшие отдельный класс, назывались хокан. Они постоянно забавляли гостей пением, танцами и сальными шутками типа: «У него широкое сидалище». Многие были с гомосексуальными наклонностями. Они искусно пользовались веером. Танцы их часто были непристойными, они по просьбе гостей могли раздеться догола.

Хокан из Ёсивара, известные как отоко-гэйся, ценились намного ниже, чем гейши-женщины. Их обычно приглашали, когда гости были уже сильно пьяны и требовали чего-нибудь необычного. Тогда хокан позволяли им рассматривать свое «дерево плоти».

Официально правительство сёгуната регистрировало хокан как «носильщиков на набережной» (дотэ-нинсоку). В некоторых районах они числились как мойщики и ассенизаторы. Но некоторые из них были хорошо образованы и могли поддержать беседу о литературе и искусстве. После 1800 года профессия гейши стала исключительно женской, и многие хокан открыто признали себя гомосексуалистами. Их называли яро.

Хотя время от времени принимались законы против гомосексуализма, он все равно имел место, причем даже в среде высших чиновников и богатых меценатов. Мужчины надевали женский наряд и даже имитировали прически куртизанок – хёгомагэ.

Яро выпускали на лоб длинную прядь волос, называвшуюся маэгами. Это было их отличительным знаком. Они собирались в основном в театре кабуки. Миловидные мальчики играли там все женские роли.

Когда вышло постановление, запрещающее появление актеров в компаниях, тут же появилась петиция влиятельных заинтересованных лиц, и актеры вернулись. Но им было приказано брить волосы выше лба, поскольку длинные пряди считались излишне сексуальными. Актеры, игравшие женские роли, поневоле стали обвязывать свои обритые лбы полотенцами цвета лаванды, и на любой японской гравюре, где мы видим прелестную девушку с таким покрытием, изображен, в этом нет никакого сомнения, актер-мужчина.

Гомосексуальные публичные дома возникли в районе Нэгимати в Эдо и были известны как «детские дома» (Кодомо-я). Мальчики, работавшие там, умели петь, танцевать и читать стихи, и многие из них впоследствии стали актерами – исполнителями женских ролей.

Яро открыто демонстрировали свои наклонности. Наряду с гравюрами с изображениями знаменитых куртизанок, гейш и актеров стали появляться и портреты популярных яро. Часто эти портреты сопровождал текст об их привычках, достоинствах и истории жизни».

Когда до отъезда оставалось три дня, господин Ито пригласил меня на прием в свой загородный дом. Я с радостью согласилась.

– Хотелось бы видеть вас в полном составе, – заметил он, к моему удивлению.

После его критики в адрес моих девушек слышать это было немного странно.

– Но ведь вы... – начала я и осеклась.

Господин Ито ждал продолжения с лукавой улыбкой. Видя, что я молчу, он сказал:

– Сакура и Идзуми красивы, изящны и воспитанны. Я позволил себе в прошлый раз сделать замечания, но лишь для того, чтобы подтолкнуть тебя к дальнейшему росту.

– Мы много репетировали в последнее время, – ответила я и слегка покраснела.

– Вот и оценим, – засмеялся он.

Прием был организован в обычном стиле господина Ито. Он предпочитал, чтобы все чувствовали себя удобно и комфортно. Огромная гостиная на первом этаже была обставлена по-европейски. Стол для таких приемов, как всегда, накрывали шведский, но наряду с привычными блюдами выставлялись и традиционно японские. Гости съехались в особняк к шести вечера. Мы были уже наготове – в кимоно и гриме. Я выбрала для этого вечера кимоно трех цветов: синего, красного и белого. Когда смешливая Идзуми увидела их лежащими на диване, то тихо засмеялась и спросила:

– Мы что, будем символизировать российский флаг?

Мне такое сравнение в голову не приходило, и я рассмеялась от неожиданности ее ассоциации.

Вообще-то в Японии выбор кимоно – это важное дело. И каждый рисунок подбирается в соответствии со временем года и целью мероприятия. Но мне постоянно хотелось экспериментировать. Застывшие на века японские традиции иногда раздражали. И я частенько руководствовалась собственным настроением и восприятием. Вот и сейчас мне казалось, что получилось очень удачно. Невысокая хрупкая черноволосая Идзуми была одета в кимоно красного цвета с тонким узором из мелких переплетающихся зеленых листочков. Голубоглазая, обладающая более пышными формами Сакура – в белое с нежно-розовыми цветами вишни, а я была в синем кимоно, расписанном яркими летящими бабочками. Наше появление вызвало, как всегда, всеобщее удовольствие. Нас даже стали приветствовать аплодисментами.

Я увидела среди присутствующих господина Кобаяси и решила, что сегодня же поговорю с ним. Он, когда мы появились, задержал на моем лице внимательный взгляд, но затем отвернулся и начал беседовать с одним из гостей. Но через какое-то время господин Кобаяси сам подошел ко мне.

– Ты, как всегда, восхитительно выглядишь, Аямэ, – тихо сказал он.

– Спасибо, – так же тихо ответила я и опустила густо подкрашенные ресницы, прикрыв улыбку веером.

– Я слышал, ты уезжаешь, – продолжил он.

– Да, но ненадолго, – ответила я, и увидев, что его бокал практически пуст, подошла к столу и взяла керамический кувшинчик с абрикосовым вином.

Именно его пил господин Кобаяси. Он спокойно наблюдал за мной. Но его глаза блеснули. Я подлила ему вина.

– Аригато, – неожиданно по-японски поблагодарил он.

– На здоровье, Кобаяси-сан, – с улыбкой ответила я.

– Ты останешься до конца? – спросил он, отходя к окну.

Я последовала за ним. Господин Кобаяси повернулся лицом к стеклу и замер, созерцая густую листву сирени с темными точками влаги от только что начавшегося дождя. Ветер шевелил ее, дождь становился все сильнее, и скоро она блестела в падающем на нее из окон свете, целиком покрытая водой.

– Погода испортилась, – сказала я, вставая рядом с ним.

– Да, возвращаться ночью в такой дождь неразумно, – заметил он.

Потом обернулся в зал и чуть прищурился. Через секунду господин Кобаяси вновь начал смотреть в окно.

– Странно устроен наш мир, не находишь? – спросил он. И, не дождавшись ответа, продолжил: – Тонкое стекло отделяет яркий свет, шум, музыку, голоса, цветные одежды и ароматы духов от полумрака, шороха дождя, влажных запахов травы и цветов и... одиночества.

Я с легким удивлением посмотрела на его четкий профиль. Господин Кобаяси отпил вино, потом развернулся ко мне и весело улыбнулся.

– Я задержусь до завтра, – сказала я и тоже улыбнулась.

– Вот и отлично, Аямэ. Я тоже планирую уехать только завтра.

Часть гостей не побоялась непогоды и покинула прием поздно ночью. Сакура и Идзуми тоже упростили меня отпустить их. Тем более нашлось много желающих подвезти. Но в интересах бизнеса было неразумно показываться гостям вне образа, поэтому они поехали на нашей служебной машине. А я осталась. Господин Ито отвел мне знакомую комнату, в которой я обычно жила, когда приезжала сюда.

Ночью меня разбудил тихий стук в дверь. Я приподняла голову и сонно спросила:

– Кто там?

Когда увидела округлый невысокий силуэт в проеме раскрывшейся двери, то машинально натянула простыню до подбородка.

– Разреши хотя бы просто полежать с тобой, Таня, – прошептал господин Ито, забираясь ко мне в постель.

Я молча вздохнула и пододвинулась.

– Но если тебе неприятно, то я уйду, – сказал он, устраиваясь на самом краю.

Я замерла, пытаюсь понять, что чувствую. Но все внутри меня спало, тело было ослабленным, мысли затуманенными. К тому же господин Ито всегда вызывал во мне исключительно положительные эмоции. Он молча ждал, что я отвечу. Но я только придвинулась к нему и прижалась головой к полному мягкому плечу, закрыв глаза. Он не шевелился, и я через какое-то время задремала.

Очнувшись от ощущения чего-то твердого, упирающегося в обнаженное бедро. Я вздрогнула и открыла глаза. Господин Ито лежал на боку, плотно придвинувшись ко мне, одна его рука покоилась на моей талии, а живот прижимался к бедру. Я ощутила, как его вставший «нефритовый стебель» давит на мою кожу. Скосив глаза, я увидела, что господин Ито не спит и напряженно на меня смотрит.

«Бедный возбужденный колобок, – подумала я и невольно улыбнулась. – Тяжко же ему приходится. Может, «покрутить стебелек»?»

Я скользнула вниз и, найдя губами уже влажную головку, осторожно облизала ее. Господин Ито вздохнул, шумно втянув воздух через сжатые зубы, и положил руки на мою голову, слегка прижимая ее. Через какое-то время почувствовала, что его «фрукт» вот-вот «лопнет» и ускорила темп. Но господин Ито в этот момент раздвинул мои ноги и быстро «нашел зернышко». Я вздрогнула и хотела попросить, чтобы он этого не делал, но мой рот был занят. Поэтому я максимально расслабилась и продолжила «крутить стебелек», сосредоточившись на своих ощущениях. Господин Ито, видимо, помня о предыдущей неудачной попытке, ограничился только моим «зернышком» и старался не касаться входа даже носом. Тем более поза «бутон к бутону» легко позволяла избежать этого. Кончик его языка обводил кругами мое «зернышко». Потом он мягко обхватил его губами. «Яшмовые ворота», как только господин Ито коснулся меня, привычно сжались. Но спазм был слабым, и возбуждение не исчезло, а странным образом сосредоточилось только на «зернышке». Мне казалось, что между ногами появилась жгучая точка, своеобразный сгусток энергии, сияющий маленькой звездочкой. «Нефритовый стебель», заполняющий мой рот и пульсирующий от напряжения, также невыносимо возбуждал. И в тот момент, когда «фрукт лопнул» и его сок потек мне в горло, моя жгучая точка резко раскрылась и выплеснула энергию. Я почувствовала невероятное облегчение.

*О мое сердце,
Что делать нам остается?
Горные розы
Уже, увядая, поблекли,
И подымается буря.*

Минамото Санэтомо

Утром я проснулась рано и чувствовала себя прекрасно как никогда. И это, видимо, отражалось на моем лице. За завтраком, к которому я вышла в своем обычном облике, господин Ито периодически задерживал на мне взгляд с плохо скрываемым восхищением. Кроме нас, за столом присутствовал только господин Кобаяси. Остальные гости все еще спали.

После ненастной дождливой ночи небо очистилось, и сияло яркое солнце. Завтрак накрыли в столовой. Я сидела лицом к огромному окну и невольно любовалась хорошо промытым, ослепительным в своих ярких чистых красках июньским утром.

– Таня сегодня просто вся светится, – заметил господин Кобаяси, когда нам принесли чай.

– О да! – радостно подхватил господин Ито. – Она напоминает отражение солнца в спокойной воде озера Окутама.

Я опустила ресницы и улыбнулась одними уголками губ. Необычайная легкость и, я бы сказала, лучезарность заполняли меня. Во мне словно ожила замершая на какое-то время энергия, она засияла внутри и принесла радостное умиротворение. Я поняла, что путь, нащупанный мной вчера, скорее всего, правильный. Не нужно полностью исключать секс из своей жизни, как я делала это раньше. Ведь и для моего нынешнего состояния существуют какие-то приемлемые способы. И возможно, именно таким образом, шаг за шагом, я смогу избавиться от проблемы.

– Какие у вас на сегодня планы, друзья мои? – спросил после очень продолжительной паузы господин Ито.

– Я хотел бы просто погулять по окрестностям. Погода изумительная, – ответил господин Кобаяси и посмотрел на меня.

– Мне все равно, – ответила я. – Любое ваше предложение приму с радостью.

– Я планировал с оставшимися гостями совершить прогулку на катере по водохранилищу, – задумчиво произнес господин Ито. – Не желаете ли присоединиться?

Но господин Кобаяси отрицательно покачал головой. Я глянула на него и ничего не ответила.

После обеда гости во главе с господином Ито отправились на водохранилище. В последний момент я решила остаться. Не хотелось находиться в шумной пьяной компании. Господин Ито планировал высадку в подходящем месте.

– Поедем, Таня, – просящим тоном сказал он, когда зашел перед отъездом в мою комнату. – Я решил угостить вас шашлыками из осетрины и кальмаров. Это очень вкусно, тебе понравится. И потом тебе полезно поплавать и позагорать.

– Извините, Ито-сан, мне хочется просто отдохнуть, – немного капризно ответила я.

А сама думала только о господине Кобаяси.

Просыпающаяся чувственность искала новых путей. Я вновь и вновь вспоминала сеанс шибари, четкие быстрые движения Мастера, шершавое прикосновение веревки к обнаженному телу, легкое сдавливание, словно многочисленные пальцы обхватывали меня и сжимали в длительной непрекращающейся ласке. Особенно меня привлекали воспомина-

ния о бесконтактном оргазме, который я в тот раз испытала. «Фрукт лопнул» просто от обзывания меня веревкой. Мастер не касался моих «яшмовых ворот» даже ею.

«И это для меня сейчас идеально», – думала я.

Вчерашний оргазм разительно улучшил мое состояние. И я решила, что чем больше оргазмов я буду испытывать, тем легче будет моей психике вспомнить, как это божественно прекрасно, и наконец прийти в норму.

Когда гости во главе с господином Ито уехали, я вздохнула с облегчением и приняла душ. Затем накинула на еще влажное тело синее шелковое платье, расписанное яркими, желтыми, белыми абстрактными узорами и сшитое в виде квадрата с отверстиями для головы и рук, и спустилась в сад.

Послеполуденное солнце ослепительным золотым светом заливало сочную зелень деревьев, пестрые цветочные клумбы, аккуратные газоны с ярко-зеленой, постоянно выравниваемой садовником короткой травой. Я сбросила деревянные сабо на высокой танкетке и пошла босиком. За особняком в глубине сада находился застекленный павильон, и я направилась туда. Увидев прозрачную стену, густо увитую резными листьями дикого винограда, я пошла вдоль нее до входа. Оказавшись возле полукруглой арки, за которую цеплялись вьющиеся розы, заглянула внутрь. Лучи света, падающие через застекленный потолок и заполняющие павильон, казались мягкими и золотисто-туманными полосами. Там, где они проходили через плети винограда, их словно рассекали беспрерывно движущиеся тени, которые ложились на деревянный пол узорчатыми пятнами.

Посередине находился длинный деревянный стол, почти полностью заваленный различными цветами. Господин Ито любил украшать свои приемы композициями икебаны. Но цветов на них уходило обычно немного. Кроме этого, он всегда дарил при отъезде гостям маленькие изящные букеты.

Возле стола стоял господин Кобаяси в коротком хлопчатобумажном кимоно кофейного цвета и внимательно изучал ветку полностью распустившейся тигровой лилии яркого оранжевого цвета. Когда я появилась в проеме арки, он замер с широко раскрытыми глазами.

– Не двигайся, дорогая, – быстро произнес он.

И стоял не шевелясь с зажатой в руке лилией.

Я с улыбкой смотрела на него. Мои распущенные волосы шевелил ветерок, и, так как солнце освещало меня сзади, я видела свою тень на полу и ореол колышущихся волос.

– Никогда не видел более совершенной картины, – тихо сказал господин Кобаяси. – Прекрасная девушка, воплощение самой Юности, замершая в проеме солнечного света, очерченном аркой из зеленых листьев и выглядывающих из них еще не распустившихся бутончиков роз.

Он положил лилию на стол и зачем-то поднял голову к потолку. Я невольно проследила за его взглядом и тут только заметила, что за толстую потолочную балку закинута скрученная жгутом веревка. К их концам была прикреплена большая плоская ваза, из которой свешивались пышные соцветия розовой герани.

– Уехали все гости? – спросил господин Кобаяси странным тоном.

Мое сердце забилось быстрее.

– Да, – ответила я, подходя к столу.

Я взяла крупную малиновую розу, невольно укололась об острые шипы и вскрикнула, но розу не выпустила.

– Больно? – спросил господин Кобаяси, подходя ко мне.

Я промолчала, опустив ресницы. Он осторожно взял розу из моих пальцев, вернул ее на стол и слизнул капельку крови, выступившую на подушечке моего мизинца. Прикоснове-

ние его влажного языка заставило меня вздрогнуть. Господин Кобаяси заглянул мне в глаза и задержал взгляд, не выпуская моей дрожащей руки.

– Ты наблюдала когда-нибудь, как стрекоза раскачивается на колеблемой ветром травинке, пытаюсь удержаться? – неожиданно спросил он.

Я задумалась и улыбнулась. Конечно, особенно в детстве в деревне, я наблюдала такую картину не раз.

– Хотела бы понять, что чувствует в этот момент стрекоза? – продолжил он.

– А она разве наделена чувствами? – засомневалась я.

– Все живое наделено, – спокойно ответил господин Кобаяси. – Даже эта роза, о которую ты сейчас укололась. Или это роза уколола тебя? – задумчиво спросил он.

Я отодвинула цветы и села на стол, свесив ноги и побалтывая ими. Потом опустила взгляд, чтобы скрыть волнение, неожиданно охватившее меня.

– Знаешь, мне иногда приходит на ум сравнение шибари с икебаной, – тихо проговорил господин Кобаяси.

И я подняла голову, прямо посмотрев ему в лицо.

– На это сравнение, – продолжил он, – меня наталкивает сам процесс создания обвязки. Руки и ноги, словно лишние стебли и листья, «заламываются», заводятся, создавая определенную линию. И тем самым тело модели, словно цветочная композиция, приобретает нужную форму. При помощи различной степени натяжения, узлов, расположенных в нужных местах, прорабатываются детали композиции, делая ее законченной и совершенной.

– Наверное, интересно почувствовать себя прекрасной композицией, включающей в себя несколько разных цветов, – тихо сказала я.

– А мне интересно создать ее, – в тон мне проговорил господин Кобаяси и, легко подхватив меня за талию, снял со стола. – В японской культуре группа всегда более ценна, чем индивидуумы, ее составляющие, – серьезно сказал он.

– Я знаю, – ответила я и ясно ему улыбнулась. – Вы хотите сказать, что мы с вами – группа?

– Именно, – ответил он и, к моему удивлению, вспрыгнул на стол. – И не важно, что нас всего двое. Рост взаимного уважения партнеров, согласно дзену, и составляет ценность, превращающую группу в нечто большее, чем все ее члены по отдельности, – продолжил он.

Я увидела, как господин Кобаяси пошел по столу, осторожно переступая цветы, и остановился возле свисающей вазы с розовой геранью. Он медленно раскачал ее, внимательно наблюдая за амплитудой. Потом снял и поставил на стол. Герань при этом запахла настолько сильно, что даже до меня донесся ее острый специфический аромат.

– А ты сомневаешься, что они чувствуют, – заметил господин Кобаяси. – Ведь я не коснулся цветов руками. Но они усилили свой запах во много раз.

– Да, я тоже обратила на это внимание, – сказала я и подошла к вазе.

– Сейчас я сниму ее на пол, – быстро проговорил он. – Посмотри, какое отличное кольцо!

Я подняла голову. Господин Кобаяси держался руками за довольно толстое металлическое кольцо, покрашенное в темно-зеленый цвет, которое находилось на веревках, подвешенных к потолочной балке. Именно оно и держало раньше вазу. Он вдруг лег животом на это кольцо и начал медленно раскачиваться, чему-то улыбаясь.

– Стрекоза примерно чувствует это же самое, – пробормотал он и рассмеялся.

Его вид в кимоно с развевающимися краями был забавным, и я тоже начала смеяться. Но вот край одной полы при резком движении отлетел в сторону, и я неожиданно увидела, что «нефритовый стебель» эрегирован. Жар охватил меня, и проснулись вполне определенные желания. Я опустила глаза и замерла.

Господин Кобаяси спустился со стола, снял вазу и отнес ее в угол. Я с удивлением наблюдала, как он легко справился с этим. Ваза была большой и, судя по виду, тяжелой. Он подошел ко мне и встал напротив. Я подняла ресницы. Желание нарастало.

«А ведь он, в отличие от господина Ито, не в курсе моей проблемы», – подумала я и отчего-то испугалась.

– Цветок особенно красив в пустом пространстве, – медленно проговорил господин Кобаяси. – Подвешивание – важная часть шибари, потому что позволяет поместить модель в пустое пространство, подобно цветку. И этим открыть новые грани ее красоты. Ты хотела бы? – тихо спросил он.

«А почему бы и не попробовать?» – подумала я.

И молча кивнула. Господин Кобаяси улыбнулся и пошел в угол павильона. Там стояли шкафчики с различными садовыми инструментами, лейками и прочим. Я увидела, что он несет моток обычной пеньковой веревки.

– Отлично, – пробормотал он, поглаживая ее пальцами. – Натуральная и шершавая. Ты разденешься?

Я молча скинула платье и осталась обнаженной.

– О! – воскликнул он, и его глаза загорелись. – Ты стала еще прекраснее! Короткий совет, – добавил он и медленно обошел вокруг меня, не спуская глаз, – воспользуйся одним из правил йоги: в любых положениях шея и лицо должны оставаться полностью расслабленными, чтобы ум не участвовал в работе тела, а наблюдал за ним со стороны.

– Хорошо, я постараюсь, – тихо сказала я и добавила после небольшой паузы: – Мастер.

Даже оставаясь обнаженной, я чувствовала себя в этом пространстве, залитом мягким светом и заполненном цветами, естественно и комфортно. Я доверяла Мастеру и стремилась к новым ощущениям. Он взял пояс от своего кимоно и провел им по моим плечам. Я замерла под этой ненавязчивой лаской. И приготовилась к дальнейшему. Но Мастер запрыгнул на стол и протянул мне руку. Я последовала за ним.

Остановившись возле кольца, я огляделась. Оказавшись на более высоком уровне, я заметила, что все вокруг выглядит несколько иначе. Мой взгляд скользнул по поверхности стола, усыпанной цветами, которые теперь оказались у меня под ногами, по проему арки, который стал теперь ниже и как будто меньше, по прозрачному потолку, приблизившемуся и словно опустившему ниже голубое безоблачное небо. Потом я посмотрела на Мастера, стоявшего рядом, и поняла, что он остался неизменным. И это как-то сблизило с ним, словно в изменившемся мире я встретила что-то привычное и от этого родное. Я сделала шаг к нему, и он нежно обхватил меня за талию. Мои мгновенно напрягшиеся соски уперлись в хлопковую ткань кимоно, я почувствовала, как горячие пальцы скользят вниз по моему ждущему телу и вместе с их теплом скользит шершавая поверхность веревки.

– Я не буду сегодня связывать твои руки, – прошептал Мастер, обхватывая веревкой мою талию. – Пусть они свисают свободно, словно длинные листья.

Он сделал корсет. Веревка обхватывала грудь, проходила между ног и ягодиц, сжимала талию. Я была уже влажная и изнывала от вполне отчетливого и сильного желания. Правда, когда Мастер натянул веревку между моих бедер, вход в «яшмовые ворота» на миг непроизвольно сжался. Я слегка вздрогнула, и он тут же, почувствовав, ослабил натяжение в этом месте. Закончив обвязку, Мастер отошел на шаг назад и окинул меня горящим взглядом. Я стояла спокойно, с наслаждением ощущая мягкие обхваты веревки, казавшейся сейчас теплой. Мастер смотрел на меня, находясь чуть в отдалении, а мне казалось, что веревка на моем теле – его материализовавшаяся ласка, которая длится и длится. И это сводило меня с ума. Я с трудом сдерживала шумное дыхание. Мне безумно хотелось активного физического контакта. Процесс обвязки, как и в прошлый раз, оказался самой лучшей любовной прелюдией.

Мастер подошел к колесу и перевязал его, создав внутри звезду. Потом легко подхватил меня и положил спиной на эту звезду.

– Я не хочу подвешивать тебя в традиционном стиле, – прошептал он, – так как ты не готова. Но и так тоже хорошо.

Я лежала спиной на веревочной звезде, моя голова свешивалась за край кольца, распущенные волосы свободно свисали. Я почувствовала, как Мастер разводит мои колени, веревка чуть сдвинулась и придавила шершавой поверхностью «зернышко». Я застонала и развела ноги шире. Кольцо при этом движении начало раскачиваться, но Мастер остановил его. Я почувствовала, как он поднимает мою левую ногу и привязывает ее за щиколотку к одной из веревок, на которых висело кольцо. Правую ногу он опустил вниз, оставив ее свободной. «Яшмовые ворота» из-за поднятой и зафиксированной ноги оказались открытыми, и это вызвало новый прилив возбуждения.

Когда я решилась на этот сеанс, то очень боялась именно момента связывания. После пребывания в рабстве малейшее ограничение свободы вызывало шок. Но пока все шло превосходно. Мастер непостижимым образом чувствовал тончайшие нюансы моего настроения и следовал им. Никакого давления, никакого навязывания своей воли не было с его стороны. Мне казалось, что чьи-то руки просто исполняют мои невысказанные и порою даже не осознанные желания.

Я почувствовала, как что-то прохладное коснулось моей связанной щиколотки, но смотреть не хотелось. Мастер явно привязал это к моей ноге, и оно слегка задевало кожу в нескольких местах.

«Это же длинная плеть вьюнка», – осенило меня, и я тихо засмеялась.

– Ты превращаешься в настоящее произведение искусства, – мягко произнес он. – Осталось добавить несколько штрихов.

Я увидела, как мимо моего лица проплывают стебли вьюнков, которые Мастер берет со стола. И скоро вьюнки мягко обвили мое тело, не хуже веревки. На мою грудь и живот легли, судя по запаху, соцветия герани. Мастер оставил меня.

Я лежала, слегка раскачиваясь и упиваясь странными ощущениями. Мое подвешенное в пространстве тело я четко чувствовала, благодаря шершавому обхвату веревок и нежному касанию вьюнков. Мои грудь и живот были словно одеты в плотные соцветия герани, и из-за этого ничем не прикрытые «яшмовые ворота», пересеченные только узкой веревкой, казались преувеличенно большими и выпирающими в пространство. И этот акцент на них невыносимо будоражил.

И вот я почувствовала, как горячие пальцы касаются «яшмовых ворот», и застыла в ожидании. Но Мастер только завел веревку вбок и этим полностью обнажил вход. Я уловила резкий запах герани, затем короткий и тонкий стебелек вошел в «яшмовые ворота», и прохладные нежные лепестки коснулись моих горячих набухших губок. Видимо, Мастер решил украсить их соцветием розовой герани.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.